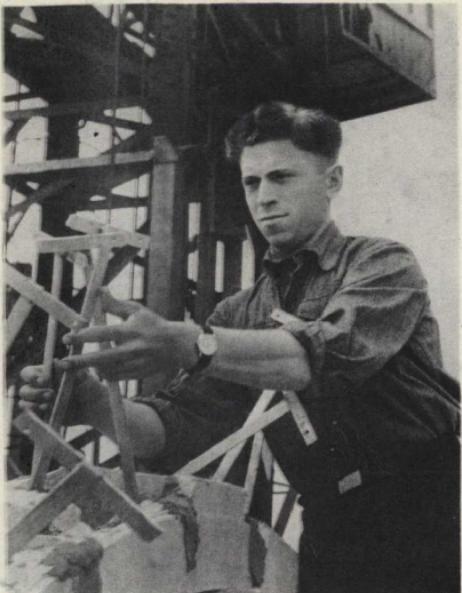




СМЕНА

13
1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Молодые патриоты

СЕРГЕЙ ПИСКУН

На строительстве высотной гостиницы, что на Дорогомиловской набережной, рабочий день в разгаре. Дробные стук молотков, урчание извивающихся грохотов железа, возгласы строителей саманы и мощный трулевой гул.

Но вот зев стихает. Обеденный перерыв. В будущем комфортильном номере на деревянных мостках расположился на обед облицовщик Сергей Пискун со своими помощниками Ириной Васильевой и Валентиной Фроловой. Девчата тянули молоко прямо из гордышка бутылок и погладывали на обложенного, хмурого Сергея. Наконец Ирина старательно оттерла уголком космынику губы, сказала:

— Вон опять «молния» понесли. Коля Башура, говорят, на пятьдесят процентов норму выполнена.

Сергей отвернулся и посмотрел на затиннутое лёгкой синей дымкой панораму Москвы. «Опять Коля Башура», — подумал он и вздохнул.

А к вечеру, после окончания рабочего дня, инженер Олег Ширяев, обходя участок, увидел, как у сложенных в штабеля облицовочных блоков суетился Сергей Пискун со своими помощницами. Инженер прислушался.

— Вот, держи метр, — Сергей протянул Ирине Васильеву металлическую ленту. — Теперь быстро найди мне марку номер семь.

Девчушка нагнулась к пантам, выбрала одну из них и подала ей.

— Ну о чём ты думаешь? — рассердился Сергей. — Какая же это скользкая марка? Это же углолая — пятнадцать на тридцать пять! Так мы никогда быстро работать не будем. Марки блоков надо знать.

— Разве их все запомнишь, Серёжа? — опустила руки Ирина. — Ведь этих марок шестьсот двадцать!

— Ну, а как же я всё помню? — И, отвернувшись, проговорил: — У всех помощницы как помощницы...

— Ну, Серёжа, не надо, давай сначала. Через несколько дней на стройке появилась «молния», сообщавшая о первых успехах Сергея Пискуна и его помощников. Днём к Сергею зашёл секретарь комсомольской организации Александр Фёдоров и предложил создать комплексную бригаду. Башура уже такую создал. Это и будет поточным методом работы.

— Давай список, кого ты хочешь взять в бригаду из каменщиков, из плотников, из подручных.

Сергей пообещал подумать. После работы он с листком бумаги и карандашом присел на кирпичи. Позади молча стояла девчата и выжидающе смотрели на него. Сергей рассуждал вслух:

— Так... каменщиком возвому Ивана Колонкина, старательный парень... Так, один есть. Плотником попрошу дядю Федю, опытный рабочий... А кого же в помощники взять? — Сергей нахмурился.

— Серёжа, — робко раздалось за спиной. Сергей не повернулся — Серёженя, возвращай нас... мы будем стараться.

Сергей не выдержал, засмеялся:

— Ну, смотрите, девчата, чтобы работать на совесть. А нет, так и будем дружной бригадой.

Комплексный метод работы себя оправдал. Работа споразумелась. Усердия Сергея подняли марку блока, как девчата уже поддавались в чёткий трудовой ритм. А плотник заготавливала новые пластишки даже быстрее, чем чайная успевала подниматься на следующий блок: «Пожалуйста, товарищи, поднимайтесь выше».

Бригадир-облицовщик Сергей Пискун был доволен. Он понимал, что успех кроется именно в этой чёткой налаженной работе.

К концу дня подвели итоги. Бригада Сергея Пискуна перевыполнила дневное задание более чем в 12 раз. Таких же результатов добилась и бригада облицовщика-комсомольца Николая Башуры.

На следующий день об успехах строителей рассказала газета «Правда». В газете говорилось и о Сергее Пискуне.

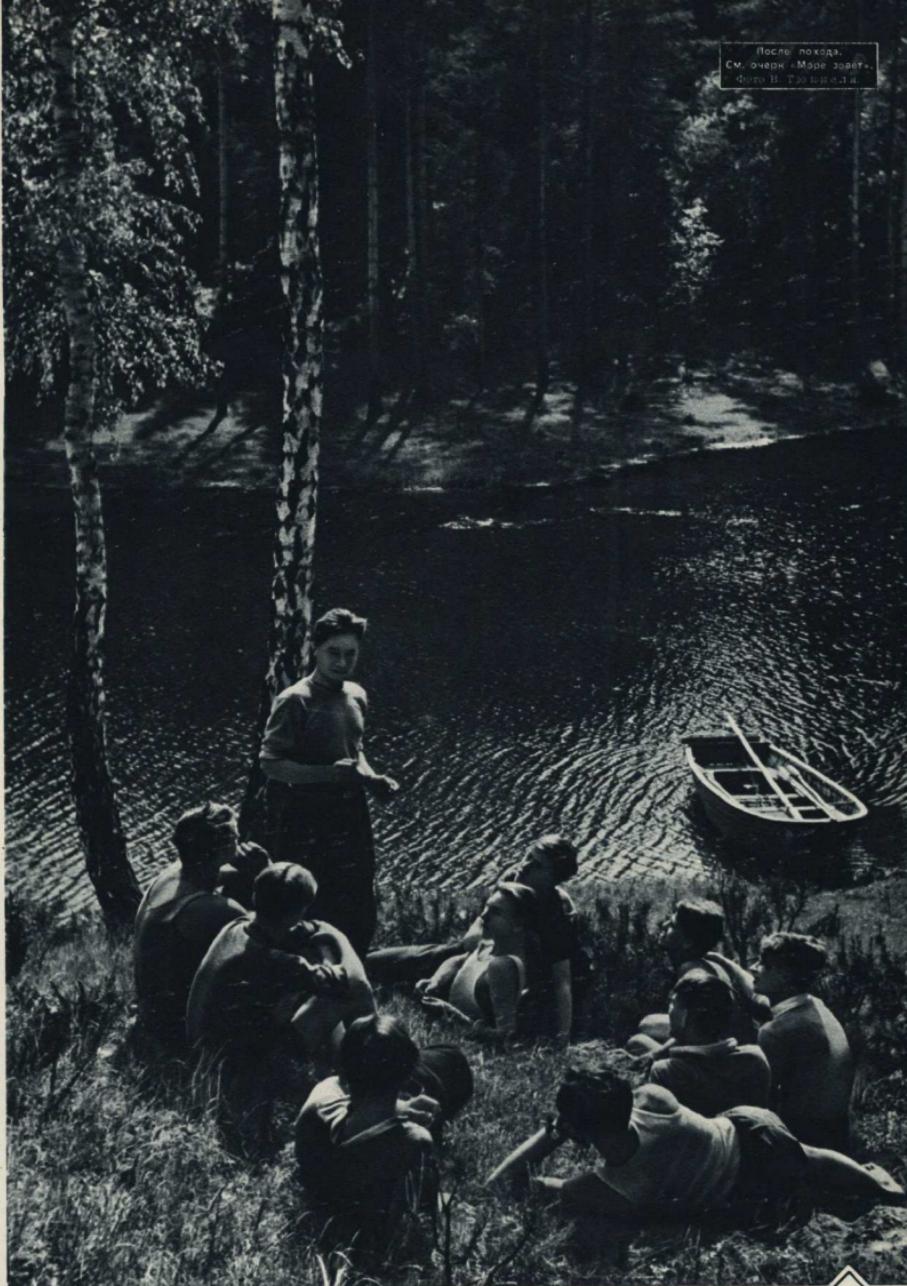
...Бригада Пискуна становилась на почетную вахту. Она работала на шестом участке, на том крыле здания, что выходит в сторону Можайского проспекта.

Внизу раскинулась Москва. Сергей знает, что москвичи и все, кто живёт в столице, любуются высотными зданиями — этими чудесными дворцами, любуются работой тех, кто стоит на трудовой вахте во имя мира.

Вечером на стройке появилась «молния». «Бригада Сергея Пискуна», — говорилось в ней, — сегодня выполнила норму на 1900 процентов!»

В. ЧАЧИН

После похода.
См. очерк «Море зовёт».
Фото И. Гришина.



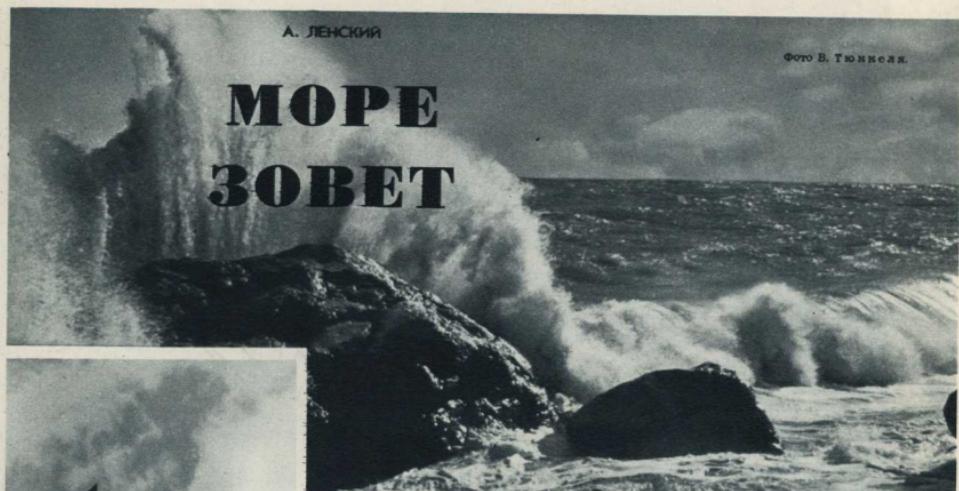
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 13. 1953 год.

Год
издания
30-й

МОРЕ ЗОВЕТ



«Счастливого плавания!» — сигналит с берега Анатолий Душин своим товарищам.

Теплело, наливалось мягким зноем пол-московское лето, густо зеленел берег Калмыкии, и поверхности Пироговского водохранника была гладкой, как степь.

А один из юношей, стоявших на деревянном шатом причала и глядывавших серо-голубой пейзаж водохранника, неожиданно сказал:

— Будет буря...

На береге взвихивалося оглушающая буря? Но ведь штурманы бывают где-то далеко отсюда, на морях и океанах, за Полярным кругом или в южных широтах.

— Будет буря, — упрямились повторяя Верховский, — этому надо быть готовыми.

Его поддержал Юрий Баранов, темноволосый, плотный юноша, давно успевший посмуглеть на солнце.

Товарищи замолкали и внимательно посмотрели на север, как будто на самом деле ожидали, что сейчас над спокойным акварельным пейзажем мытищинских окрестностей разразится ураган.

Юноши были студентами Мытищинского индустриального техникума: Верховский, юнкер шестивесельного яла, Баранов — старший разговор о буре шёл накануне плавучего турнира Москва — Петрозаводск — Москва, организованного Добровольческим обществом содействия армии, авиации и флоту Мытищинского района, Московской области. Буря ожидалась

в походе, и, хоть это было незнакомо и страшновато, юношам захотелось испытать её...

Через несколько дней студенты, привезенные напутствиями и добрыми пожеланиями всего города, заняли места в шлюпке, по команде сделали первый гребок. Поход начался.

Путь предстоял неслыханный. По широким плясам водохранника, узким руслам рек, коварному мелководью озёр, простирающим новым морям, недавно созданных трудом советских людей, надо было пройти немногим менее трёх тысяч километров.

Что ж, это и для боевого корабля переход достойный. Тут же была только корабль-шлюпка, весла, парус — разрезной фок — и восемь юношей, получивших «морскую» звездочку на водной базе районного общества ДОСААФ.

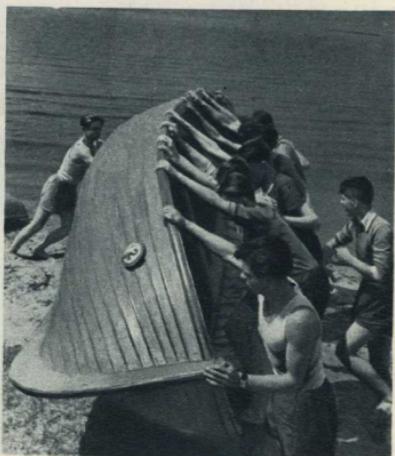
Великое дело — романтика, хорошая мечта, осуществляла которую человек идет вперёд семимильными шагами, торопясь достичь трудной цели. Не страшась кровавым «мозаиц», лодомы в мышцах, холода и недосыпания, боли в глазах от резких ветров на водных просторах, восемь юношей из Мытищ движились по фарватеру, который, собственно, не был ими на шлюпке.

Все комсомольцы. Все — «братьёчины» если не соединёнными волнами и не по воде водохранника. Все — бойцы одной команды, дружной, сильной и смелой. Право идти в этот поход было завоёвано ими на соревнованиях по морскому миноисканию. Перед тем как взять старт на Петрозаводск, студенты техникума первыми приходили к финишну в стилном плавании, гребле, хождении под парусами; побеждали в искусстве лазания по канату, в мечтании бросательного конца...

— Ни пуха, ни пера! — не громко пронеслось по берегу водохранника, когда шлюпка пошла вперёд и весла дружно блеснули на солнце бледно-жёлтыми лопастями. Это вспых и мысленно произнесли те, кто

долгое время воспитывала в юношах любовь к морю и флоту, воодушевленность на стихию, спорство в борьбе и стремление к победе.

Это были секретари горкома партии Василий Васильевич Морозов, лягушонок первого класса, коренной волжанин; председатель местного совета ДОСААФ Борис Иванович Мусин, служивший на Северном флоте недавний старший лейтенант, прошедший флоту без предела, и один из работников горкома комсомола Анатолий Рогачёв, никогда не служивший ни в армии, ни во флоте, но сбрасывавший на землю, чтобы «его ребята» показали себя настоящими сынами. Родины — мужественными и умелыми, стойкими и отважными, способными пережить любые трудности и невзгоды. Это были, наконец, товарищи новоиспечённых моряков — и их



...Взгляд! После похода будущие моряки вытаскивают шлюпку на берег.

были сотни, — однокурсники и преподаватели, просто земляки из подмосковного города Мытищи...

Провожаемые тёплыми взглядами, «мытросы» мытищинской школки скрылись за изогнутым мысом, где извилистые воды бухты радости, где начинался путь по пресной воде, которая умеет подготовить человека к борьбе с крутой волной открытого моря.

И настали в Мытищах тревожные дни: ходили известий от своих шлюпки. Кто-то говорил: «Вернутся через два дня, не выдержат матросской работы». «Ещё хорошо, если вернутся», — подхватывала другая. — А то ведь и утонуть недалеко. Вон у нас на Клязьме в прошлом году...» Но спокойные голоса обрывали скептиков: «Видели, как сделали первые гребки? Смотрели, как прошли буяны и брандвахту? Ну так чего же? Ведь все отличники, комсомольцы!»

А студенты индустриального техникума, понимая всю глубину волнения, переживаемого из-за них в родном городке, слали одну за другой лаконические телеграммы:

«Ура! Пролам Волгу и Рыбинское водохранилище. Выходи на Шексну...»
«Находимся в Череповце, пережидаем шторм Рыбинского моря...»

«Вышли к Белому озеру...»

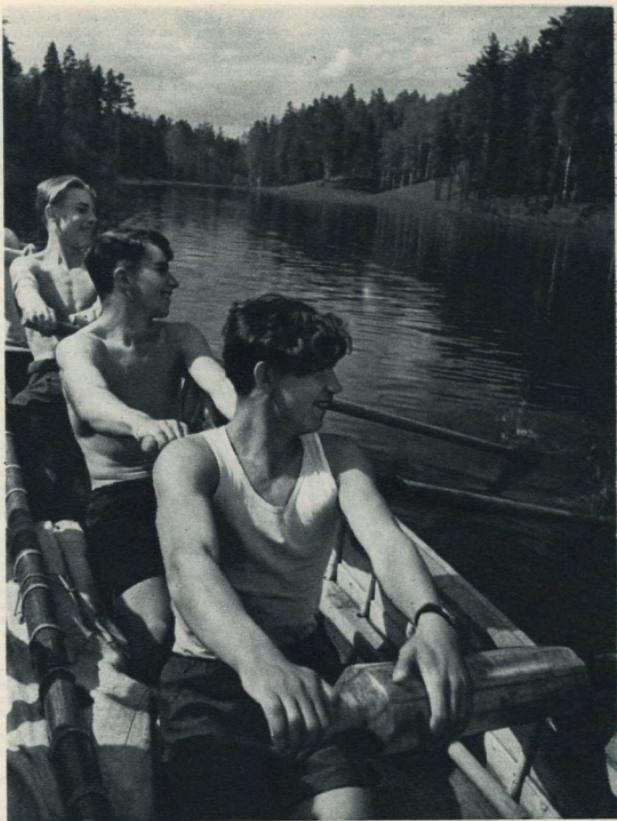
Когда стало известно, что шлюпка дошла до залива, на котором стоит Петрозаводск, у мытищинских «моряков» глаза загорелись гордостью и очень захотелось этого дня переброситься двумя — тремя словами с теми, кто две недели назад предсказывал: «Не выдержат...»

В Петрозаводск я прибыл в субботу, а на следующий день на широком плаще залива состоялись большие шлюпочные соревнования в честь Дня Военно-Морского Флота.

Учебная гребля. И мозгам были не аллюзии. И глаза покраснели на встречном вете за многие дни тяжёлого похода. Но честь будущих моряков! Мытищинский ял выступила в этих соревнованиях и заняла одно из почётных мест, несмотря на усталость команды.

Отдыха не было. Для того, чтобы выдержать сроки похода, нужно было немедленно снова поднимать паруса.

И паруса были подняты. Я двинулся в обратный рейс. Лица студентов загорели, мускулы окрепли. Главное же было в том, что совершился иной вид имела теперь так называемая «романтика моря». Это были не только синие горизонты, вычищенные из книг корд-осты и шторами,



...Юноши учатся гребти.



...Моряк должен отлично плавать.

на которые так приятно любоваться с берега, угрюмая морская даль, дымящиеся волны, гул прибоя...

В жизни всё было гораздо проще и гораздо труднее.

Пороги на Вытегре, Шексне и у Белоzeroska.

Онежское озеро — на нём впервые спиральный ветер обжёг лицо юношей, и впервые увидели и опустили они, что значит водный простор, когда надо чутко чувствовать направление ветра, найти первый глас, определить место, в которое можно «Паруса досыпать» — вам на борту «Рангоут ставить». Гребти десять двенадцать часов подряд. Если бы товарищи по техникуму знали, что это такое!

В походе были постыднувшись начала фаэтской жизни. И, несмотря на трудности, юноши побакли её.

Телеграммы второй половины похода отличались меньшей праздничностью: тона и большей деловитостью: «При попутном вете прошли Онежское озеро, реку Вытегру. Идём дальше»; «При шестнадцатом штурме прошли Рыбинское море. Настроение отличное».

Юные мытищины с воодушевлением рассказывали потом другим:

— Буяя — лучшая школа матроса.
Чтобы прийти к этому правильному вы-

воду, надо было пройти многие трудные мили по кипящим порогам, по бурным просторам морей и извилистым руслам рек.

...С понятным чувством любопытства и интереса наблюдала из Митиц в Пирогово, близ которого расположена та самая водная база, где выросла отважная команда моряков.

Но вид здесь всё очень скромно. Под крутым обрывом, омываемым мелкими волнами Пирогонского водохранилища, стоит небольшая вышка для прыжков и деревянный причал. Слева на жёлтом пляже несколько ялов, четырёх и шестивёрстных, весел учебный флот митинского добровольного общества. От причала к верхней плавучей яле залежь — его доделяывают сейчас для того, чтобы было удобно поднимать под крыши суда.

У береговых построек лётного типа высится мачта; к её гирфлю идут флаги, выгibaющиеся на лёбок ветру плоской дугой...

Да, тут всё по-флотски, всё морем пахнет, хотя далеко вокруг лежат только холмы, поля и леса.

На середине ялды видна палубка под парусами, а ветер сегодня крепкий, баллот на пять!

Серый кайзер красиво выгнула наискось свою широкую грудь, фонт отчужно обтигнут, команда управляет своим кораблём не хуже военных матросов.

Портсигар, успевший уже покрыться густыми синими волосами, головы до ног, дрожа от холода после долгого купания, сказала:

— Это Жора тренирует старшин плавцов. Повороты отрабатывают — спешит и через фордеком.

Блеснув пышной морской терминологией, он смущился и, продолжая макло трястись, весь покрытый гусиной кожей, прыгнув в воду с причала и правильным кролем, неторопливо, но быстро поплыл к белому бью, катавшемуся метрах в ста от берега.

— Много у нас таких вот... флотских орлят... — всплыл Анатолий Рогачёв. — Подрастают.

Здесь вырос и Юрий Баранов, старшина ялды, сделавшей переход из Пирогонского водохранилища к Петрозаводскому заливу и обратно.

Таким же неприметным на первый взгляд подростком, как встреченным нами знатоком поворотом и пловцем, пришёл три года назад Юрий на берег водохранилища и, как вспоминают теперь Борис Иванович и Мусин, «был первый комьяном на берегу». Мусин, «был первый комьяном на берегу», потому что первым работал водная база. Ней, что существует «морское» в Пирогове, созидала руками сама «морская спортсменка» в короткие часы, свободные от учёбы и основной работы, попойки большого напряжения, больших усилий. Это... быть может, самое дорогое в истории митинского добровольного общества. Юрий Баранов и его товарищи строили базу, и этот труд сторицей награджал их тем, что закалил упорство и волю, приучил к трудностям будущей службы на флоте. Теперь жизненный путь Баранова предопределён: он будет офицером на боевом корабле. Таких примеров уже немало. Не так давно было в Митицах в отпуске воспитанник ДОСААФа Вячеслав Кондратьев, курсант высшего военно-морского училища.

Хорошо помогло мне, — сказал он своим землякам, — всё то, что узнал и приобрёл я на нашем маленькой водной базе.

Что может быть приятнее такого признания из сердца будущего моряка?

А ведь, кроме Кондратьева, курсанты являются еще и Цыганов и Григорьев, а этой весной уехали с путёвками в военно-морские училища ещё несколько юношей!

Многие годы, ялды подносили к берегу, тянувшись в мягкий песок, и мы познакомились с тем, комо подросток-пловец дружески назвал Жорой.

— Андреев Георгий Георгиевич, старшина первой статьи запаса; бывший бойман торпедного катера Героя Советского

Союза Георгия Рогачевского. Учился на Северо-западе и плавал на Чёрном море. Несколько, крепкий, ладного флотского доктора ялов. До медной красноты загорелые ялы Широкие чёрные брюки и матросский ремень с карабином на сверкающей пряжке — яньки привыкли на флоте.

Коммунист Андреев — близкий родственник Мусина в практической работе по воспитанию будущих моряков. Он пальмы дланями на водной станции и руководит здесь всей той же увлекательной системой учёбы, которая в общем выражается коротким понятием «морское многогорье». Он обучает подростков и юношам правильному гребку, постановке парусов, управлению шкотами, искусству поворотов, умению чувствовать ветер и выбирать правильный галс, плаванию, маневрированию конца, флагману семинарии.

За его плечами служба в должности боцмэна на торпедном катере, а боцман торпедного катера университет: он изучает обязанности пурпурочника, синоптического, радиостанции, должен знать мотор и производство торпедного зала. Андреев быстро вошёл в дружную семью митинского добровольного общества, пришёл здесь ко двору.

Андреев и Мусин есть о чём рассказать своим юным ученикам, и они часто говорят с будущими моряками о славных делах минувшей войны, о подвигах флотских героев, и глаза юноши невольно устремляются к широкому плёсу водохранилища, откуда начинается их путь на моря, и мечта о море и флоте всё сильнее овладевает ими.

С жадностью, замыкая занятия флотской учебой, постигают они тайны «розы ветров» и плавания под солнцем, точность в сигнализации цветных сигналов, крепят мускулы для того, чтобы сильнее плавать, быстрее и дальше плавать. Без отрывов эпизодов морской романтики суют гимнастики разочарования: чтобы покорять стихии и врага, надо быть мужественным, закалённым, умёлым.

А море зовёт — настойчиво и властно... «Комсомолец» Владимир Постников считает одной из комнат гирфлю, ожидая начала заседания горбо. Только что он вручил Рогачёву заявление, в котором выражал желание учиться в морской лётной авиационной школе и просил дать ему рекомендацию для этого.

— Старый досафонец, — тихо говорит про него комсомольский работник.

«Старый досафонец» двадцать лет. Он к тому времени может хоть немножко скрыть волнистое перо заседанием.

Завязывается интимная беседа о прошлом, с будущим о превращении.

— Итак, синие небеса, самолёт, далёкие и высокие воздушные рейсы. Но почему именно морская авиация избрана так решительно и бесповоротно?

Молодой человек задумывается только на мгновение, видимо, лишь для того, чтобы короче и яснее сформулировать свою мысль:

— У моря и над морем стихии суроевые... сильные. Значит, больше придётся отдать силам и смелости, чтобы побеждать эти стихии...

Это сказала юноша, выросший в небольшой яле Калути, недавний колхозный подросток, горячим сердцем своим почтительно и с любовью потребность служить Родине там, где требуется служить, где не будет спокойствия и любви к солнцу.

Многие, как Владимир Постников, выросли в городской комитет комсомола. Это комсомольцы, люди, сильные духом и телом, готовые к подвигу во имя партии, во имя страны. Они понимают, что одного лишь желания мало: надо суметь осуществить его. Отсюда это стремление упорнее, больше, лучше учиться.

Многие комсомольцы Подмосковья готовятся выйти в моря и океаны, омывающие Родину, не новичками в сорвом флотском десанте. Счастливого плавания будущим морякам из подмосковного города Митиц, отдавшему от солёных морей и такого от них близкого!

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Что не

О т завода к жилым кварталам вела прямая асфальтированная улица. Тонкие деревья, посаженные в обе стороны, выбелены известью, газоны обрамлены штакетниками с посеребрёнными голландскими щитами с укреплёнными на них портретами знатных стахановцев и новаторов производства.

С одного из портретов глядело лицо девушки. Своеобразный поворот головы, крупные губы, чуть вздёрнутый нос.

— Наша знаменитая Руфина, — кивнула на портрет мой спутник, молодой человек в очках.

Зовут моего спутника Юрий Савенко; он секретарь заводского комитета комсомола. Почти весь день мы провели вдвоём на заводе Юрий, покрытый огромными цехами, кипящий сборкой автомобилей «Урал-ЗИС». О техники он рассказывал увлечённо и с гордостью и даже о заводской трубе, испускающей густые рыхлые клубы дыма с чёрным отломом по краям, отозвалась с восхищением:

— Самая высокая на Южном Урале!

Но вот о людях он предпочитает говорить чрезвычайно скромно, короткими стандартными характеристиками:

- Инициатор передовых методов...
- Лучший комсорг...
- Даёт сто двадцать процентов...

Мы задержались возле портрета.

— Чем же она знаменита, ваша Руфина?

— Разве вы не слыхали? Да пойдите в дом техники. Там собран весь материал.

Реальная поиска совету комсомольского секретаря, хотя, по правде сказать, меня покорило словечко «материала». Лучше бы о живом человеке услышать живое человеческое слово.

Библиотекарь выложила на стол две брошюры, многочисленные вырезки из газет и журналов.

Три года назад комсомолка Руфина Расомахина привезла замечательнуюinicитативу. Она предложила особый, профилактический метод технического контроля на производстве.

Раньше технический контролёр терял время, ожидая, пока поступят к нему на проверку изготовленные детали. А Руфина начала работать по-новому: не сидела у контрольного стола, а шла от станка к станку, технологической цепочки, и проверяла изготовление деталей по операциям. Достигла этим двойной цели: предупредила возникновение брака и более продуктивно использовалась время контролёра.

Пересячная страницы книжек, посыпанных начинкой Руфины «Рассомахиной», разглядывая её фотографии в газете 1950—1951 годов, я думал о том, как широко поддерживалась наша печать всякойго, кто вносит хотя бы малейшее улучшение в производство.

Удивляло только, что о сегодняшней работе Руфины почти ничего не говорилось.

— А как сейчас? — спросил я в комитете комсомола. — Совершенствует Руфины свой метод?

- Что-то не слыхать.
 - Но ведь она продолжает работать?
 - Да.
 - Что же она... успокоилась?
- Ответа мне не дали.
- Я попыталась расспросить нескольких человек о Руфине. Все они как-то странно отмахивались.

видит Юрий Савенко

И только в общежитии рабочей молодёжи раскрылась невесёлая правда.

— Перестал её народ уважать, — сказал молодой слесарь-сборщик Сергей. — Записалась Бездельничает. Числялся мастером-инструктором ОТК, а в цехах её редко видишь. Ну, на выборах комитета комсомола моя её и прокатили.

Мы вышли с Сергеем из дома, услышав лавочку. За Руфиной было по-известному обижене, хотя он и не называл её знаменитостью, как Савенко.

Слосара взглянула на раскрытою на моих коленях тетрадь для записей:

— Посмотрите. Аист чистый, а копоть уже садится.

Действительно, на страницы оседала тонкий слой сажи от проплавившихся в вышитых облаков дымка.

— Вот и наша Руфина не замечает: запыльлась ей слава.

Сергей помнил, как хорошо начинала Рассомахина. На весь Урал разнеслись вести о боевых делах участка «вах привод и масляной насос». Здесь поклонили с бровками... Этого добавила Руфина.

— Она тогда смеляя была. Умела, когда надо, и поругаться с мастерами. Всю душу вкладывала в работу. И сама критики не боилась.

Потом выдвинула девушку в заводской ОТК: «Внедрять метод!» А как внедрить, никто не подскажет. Внедрить — и всё. Не подумали о том, что для этого нужно знать технологию в масштабе всего завода, обладать организационным опытом. Образование у Руфиной маленько. Жизнь идёт вперёд. Теперь в системе технического контроля всё меняется. Статистический метод, может, салхам? Алгебра. Попробуй разберись в таблицах, не умея извлечь корень!

Никто Руфе не подсказал, а сама она решила, зачем? И так обойдётся без ученика. Начальство? Зачем ей в школу ходить? Стол, чернильница, ручка, как-то особенные — петушиной хвостиком — усмехнулась Серёжа. Однажды комсомолка Клейменова сказала ей парочку неприятных слов. Сразу у Рассомахиной зашумели: «Зачем ты ей критикуешь? Ведь это Руфа!»

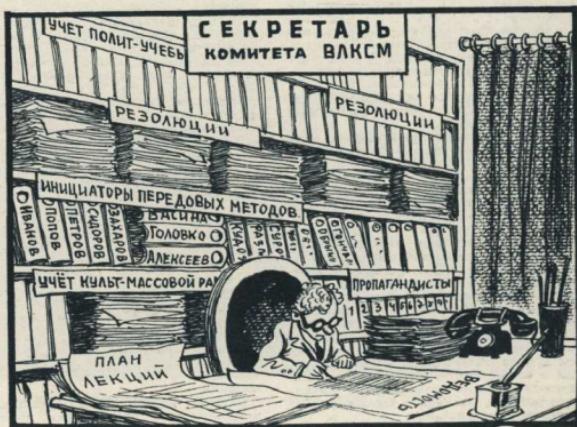
Сергей помолчала, черти прутником по влажной после дожня земле.

— Некроною иногда у нас получается, — снова заговорил он. — Задали по шаблону: новатор, стахановец, герой труда! И твёрдим одни и те же из года в год. Давно уже человек и не новатор, и не стахановец, и к труду у него отношение прохладное. Поговорить бы с Руфиной по душам. Раскрыть ей глаза: смотри, отставать начинай, береги свою славу, она к тебе не позиженно прикреплена. А вместо этого — паранойа слова. И доску — позади — Руфина. В предыдущую собранием Руфина. К премированию Руфина... Вот такие были портреты в галерее висели, а смысл в этом уже нет.

Этот безусый юноша, рядовой комсомолец, собирающий на конвойные моторы, показалась мне более знающим людей и умудрённым опытом, чем секретарь комитета ВЛКСМ, с важным видом произносивший как раз те самые «парандные слова», которые особенно возмущали юного слесаря.

В обеденный перерыв в красном уголке моторного цеха выступали заводские певцы, куплетисты и декаматоры. В небольшом помещении нельзя было

Рисунок И. Семёнова.



Вокруг идилит живая жизнь,
Полня задора и отваги,
А этот,
в келье запершился,
Классифицирует бумаги...

Он на работе поседел
И выглядит вполне солидно,
Но из анекдотов
и «личных дел»
Живых людей
ему не видно.

повернуться. Сплошной стеной стояли фрезеровщики, токари, слесари, технические контролёры — отчи семейств и сменившие девушки, пожилые женщины и вчерашние ремесленники.

Как любят наши люди художественную самоделку! Эти двадцать — тридцать минут, когда под крышей цеха звучало призывающего гула станков звучала песня, шутка, стих, были лучшим отдыхом для рабочих.

Особенный успех выпадал на долю мотоциклиста, исполнявшего басню Михалкова «Лиса и Бобёр». Остроумный парень не просто читал басню, а тут же перевоплощался то в Лису-обольстительницу, то в потерянного голого будога Бобера. При этом он так комично напевал отрывки из арий и романсов, что вся аудитория покатывалась со смеху.

Стоявший рядом со мной рабочий в распахнутой на груди спечке все время повторял:

— От дёб!, от дёб!, от дёб!

— От дёб!, от дёб!, от дёб!

— Ну че не Таранунька? — весело спросил он, кинув на сцену.

Так познакомился я с комсомолом цеха «Мотор-2». Яковом Грабарником, втерапевтом солдатом. На Урал он приехал с Украины.

— Есть у вас время? — спросил Грабарник под конец смены. — К девушкам в общежитие надо сходить. Вам, может, будет интересно.

По дороге Грабарник рассказал, какое у него дело. Год назад он дал рекомендацию в комсомол Гаю Григорьевичу Гаю. Гаю потерял на войне отца и мать. Воспитывалась в детском доме, потом в ремесленном училище, откуда и попала на автомобильный завод.

Характер у неё тяжёлый: вспыльчивая, резкая, очень самодовольная. Но что мне понравилось в Гае: любит спортивность. И если загорится, всё сделает. Помнишь, организовали мы рейд за чистоту рабочего места. Как она кривиковала тогда нерях, бракоделов, у кого взвалась стружка, было разлито маслом... Всёобще стала активной. Когда подписывали Стокгольмское воззвание, взяла на mình роль спикера и выступила. Что у многих солдат на глазах наперевесом. Образование у неё пятерка классов — пошла в школу рабочей молодёжи. Школа на въезде в посёлок стоит, виделась? Ну, это так, между прочим. Я уже хотел Гаю групповым выдигнить. И лицу сяди подменный девушки-кластер. Мастер жалуется: горит твоя Галя брак, норму слесаря на девяносто процентов выполняет. А у сменщицы её — не комсомолки — сто пятьдесят. Выймала Гаю к себе, беседовал. Огрэзился: «Знаю без вас! Вы ко мне не приставайте! «Придется на бирю вызывать». «Можете вызвать...

Всё равно не приду!» Что ты скажешь?

И школу бросила...

— В чём же причина?

— Она и членские взносы перестала платить. Вот хочу задать ей вопрос: что она думает делать дальше?

...В просторной комнате общежития с аккуратными прибранными кроватями и вышитыми на стенах никого, кроме Гали Григорьевской, не было: девушки ушли, не желая мешать комсоморгу откровенно побеседовать с их подругой.

Но Гали не шла на откровенность.

Девушка сидела у стола, подперев голову рукой, опустила глаза с длинными темными ресницами, слушала, что говорят Грабарник, и не произносила ни слова.

— Что же ты молчишь? — начал терпеть Грабарник. — Я же к тебе не с пустяками пришёл! Стоит вопрос: так остановились ты в комсомоле или нет?

Может быть, меня вычеркнута.

Она пронеслась это слова быстро, подчёркнуто равнодушно. Но лёгкая дрожь голоса вибрировала ей.

— Нет, Гали! — порывисто поднялась Грабарник. — Из комсомола не вычеркнав! Я знаю: ты правдива. Так скажи, что у тебя на душе?

Голова вскинулась, порозовели нежные щёчки. Трудно было разобраться в смеси горькой, обиженной глянцией речи. Она упоминала и о каком-то разговоре с мастером, и о сверкающих станиках, и о разряде, и о том, что «всё у нас на бумаге, одна формалистика». Но Грабарнику было всё понятно, на что жаловалась Гали. Она слушала её, не перебивая, не возражая, давая девушке высказаться до конца.

Грабарник, к счастью, не принадлежал к той категории комсомольских активистов, которых молодёжь называет «директорами комсомола». Он не был формалистом и резонёром. Он был товарищем Гали по цеху. Более закалённым в жизни, более стойким, но именно товарищем. Он не ставил себя выше её.

И сейчас он мысленно ругал себя за нечувствительность.

Гали хотела перейти в цех на другой участок, на те станки, которые более соответствовали её возросшей квалификации. У мастера имелась полная возможность удовлетворить просьбу комсомолки. Но мастер на непоправимой причине убрёлся не соглашаться. А когда Гали рассказала о своём «огорчении» в комитете комсомола, это как-то пропустили мимо ушей.

— Теперь я понимаю, что не мимо ушей, а... мимо серда пропустили мы галину прослыбь, — говорил Грабарник, когда они возвращались из общежития. — И я, и Савенко не виноваты в комитете. Обидела девушку. Ведь она пришла к нам, как в родную семью. Ожидала поддержки, сопровождения. И вдруг — холодащий откат. Другие бы разбушевались, писали заявления, требовали. А эта, видите, затянула к себе обиду. И никому о своей обиде не говорила до сегодняшнего дня. А ведь она... хоть и резкая и обидчивая... а хорошая, честная! Нельзя нам таких людей терять.

Те нотки тревоги за судьбы людей, членов комсомольской организаций, что прогучались и у юного слесаря Сергея и у вчерашнего солдата Якова Грабарника, эти нотки ни разу не прозвались в разговорах секретаря заводского комитета ВЛКСМ.

В течение недели я встречался с Юрием Савенко каждый день.

Савенко был очень деловит и на заседаниях комитета и на семинаре секретарей цеховых комсомольских организаций.

Беря слово для выступления, он всегда укладывался в регламент и говорил привычные, хотя и общизвестные вещи.

Днём, за своим солидным письменным столом в комитете ВЛКСМ, он усердно трудился: переписывал резолюции, просматривал ведомости уплаты членских взносов и т. д. Неверно было бы обвинять Юрия Савенко недобросовестным отношением к своим секретарским обязанностям.

Одного только не хватало Юрию Савенко — души.

...В комитете собирались недавно принятые в комитет юноши и девушки. Отсюда на заводском автобусе они поедут в город, на заседание горкома комсомола, где их будут утверждать. Настроение у молодёжи приподнятое. Но явились почему-то ещё не все. Савенко с угрюмым видом «прозванивал» цехи.

— Не хватает ещё однинадцати, — проговорил он, кладя трубку.

И стал перечислять: из литеиной — три, из моторного — четыре и т. д. Казалось, что вот-вот вместо имен и фамилий он произнесёт: «штук»...

Савенко не замечал, что разговаривает, как бухгалтер, а не как вожак молодёжи. А ведь рядом сидели и слушали его новички, молодые рабочие, впервые приобщившиеся к жизни комсомольской организации.

Один из пропагандистов, руководитель комсомольского полиграфкуража, рассказывает мне, как трудно ему работать из-за холода, формального отношения к прошаганию секретаря комитета.

— Нашего секретаря только одно интересует: чтобы положенное число людей явилось на лекцию. Качество лекции он мало интересует. Вот присеяжает лектор из города. Сыплет цитатами, научными терминами. Ребята мне жалуются: «Ничего не понимаем!» И я знаю, что это правда. Ведь у многих есть нет и семинарского образования. Им бы начальница дать представление о нашей Родине, показать на карте, где какие богатства, какие крупные земли, и т. д. Без этого неудачи разостлаются, что такое, например, «производительная сила». Выскажу это соображение в комитете. А Савенко: «От вас опять мало народу было». «Так ведь лекция то скучная!» «Всё равно надо ходить». «Ну, ладно, будем ходить, чтобы нас не ругали».

Найдя так много не бытает по вечерам молодёжи, как в кинотеатре.

Каждый новый фильм горячо обсуж-

ждается в общежитиях, в цехах, на скамейках в парке.

В оценках картин, в глубине понимания того, что показывается на экране, проявляется и степень культурности молодых людей, кристаллизуется их художественный вкус.

Ни Савенко, ни другие руководители организации не подумали о том, как можно использовать этот постоянный интерес молодёжи к киноискусству для пропаганды и воспитания.

Я был в кинотеатре, когда показывали фильм-спектакль «Анна Каренина». Прекрасная игра Тарасовой волновала многих зрителей: рабочих, мастеров, инженеров. Но из рядов кресел, где сидели юноши и девушки, то и дело доносились смех. Причём смеялись в самых трагических местах фильма. Видимо, сложная драма русской женщины, ставшей жертвой лицемерного, глиняного общества, осталась для них непонятной.

— А вы понимаете ourselves, — читала эта молодёжи роман «Толстого? — спросил я секретаря комитета.

Он только покаял плечами.

В этом же было то невозмутимое равнодушие, которое оспасло всех.

Не в этом ли разновидности причина того, что имена из молодых рабочих завода, стахановцев и новаторов, сегда, подобно Руфину Рассомахину, становятся в списке культурных и общественных ростов?

Не в этом ли разновидности причина и того, что среди молодёжи моющего уральского завода, оснащённого великолепной техникой, встречаются еще бракоделы и прогульщики; что нередко рабочие парни вместо клуба и школы предпочитают «ходить к тёще», что означает напиваться до дынья; что в девичьих общежитиях бывают скандалы и устраиваются гадания на картах? ***

Михаил Иванович Калинин, когда-то сравнивал комсомол с гориллом огромной печи. Он писал, что в этом горилле передавляется и формируется новый, советский человек.

Раздувать комсомольский гори надо всей силой ума и страсти.

И тогда такие, как Руфина Рассомахина, обрадуют родной завод новым взлётом творческой рационализаторской мысли. А такие, как Гали Григорьевская, поведут за собой подружек на подвиги патриотического труда.

Наши дни требуют, чтобы и комсомольские активисты стали «инженерами человеческих душ».

Только те, кто живёт одной жизнью с молодёжью, кто радуется её радостям и печалится её печальми, для кого за цифры никогда не пропадает живая человеческая судьба, — только те могут по настоящему помочь партии в благородном деле коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Об этом надо бы глубоко призадуматься Юрию Савенко и тем из комсомольских активистов, кто похож на него стилем своей работы.

Николай СТАРШИНОВ

Я говорю...

Я знал эту девушку превосходно.
Со стороны, говорят, видней.
Время от времени, в день свободный,
Я звонил и встречалась с ней.

Я говорил ей о метрострое,
О плавунах в глубине земли,
О том, как с товарищами под Москвою
Мы проходку свою ведём.

Я говорил о боях, о привалах,
О жизни солдатской на передовой,
Я говорил,

И она кивала
Понимающе
Головой.

О всех желаниях своих и стремлений,
О тысячах радостей и тревог...
...Но, к величайшему сожалению,
Об основном рассказать не мог.

Казалось, навеки потеряна радость,
Мне в жизни не увидеть хороших дней.
...Но девушка всё поняла как надо —
Со стороны, говорят, видней.

РОДИЛАСЬ ВЕЛИКАЯ НАДЕЖДА

БУДЕМ УПОРНО ТРУДИТЬСЯ

Молодёжь московской шелкопрядильной фабрики «Пролетарский труд» с большим вниманием следит за событиями внутренней и международной жизни. Юноши и девушки регулярно читают газеты, слушают передачи по радио. Комсомольская организация проводит в цехах беседы.

Немалый интерес среди молодёжи вызвала сессия Всемирного Совета Мира, проходившая с 15 по 20 июня этого года в столице Венгрии Будапешт. Когда были получены материалы о различных сессиях, секретарь комитета ВЛКСМ Зоя Мочалова пришла в крутильный цех.

«...Началась обеденный перерыв. Умолк шум электромоторов и крутильных машин. Все устроились на полу, покрытом крапиничной тканью. Вокруг Зои собралась молодёжь. Зоя начала читать «Декларацию об открытии всемирной кампании в пользу переговоров».

Затем она прочла «Воззвание Всемирного Совета Мира», в котором говорилось: «...Родилась великая надежда. Каждый человек теперь видит, что согласие возможно. Можно положить конец кровопролитию. Можно покончить с холодной войной».

В эти дни мы торжественно призываем народы требовать от своих правительств, чтобы они путём переговоров пришли к согласию.

Мы должны поддержать любое начинание любого правительства, имеющее целью мирное разрешение конфликтов. Мы должны помешать действию тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения.

Победа мира близка. От нас зависит добиться её».

Мы должны поддержать любое начинание любого правительства, имеющее целью мирное разрешение конфликтов. Мы должны помешать действию тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения.

Победа мира близка. От нас зависит добиться её».



Умолк шум электромоторов и крутильных машин. Вокруг Зои собралась молодёжь.

Все тянулись к газете, на странице которой отчётливо виднелись заголовки статей о решении сессии: «За широкий культурный обмен», «Присуждение международных премий мира».

Беседа продолжалась до конца перерыва.

Все тянулись к газете, на странице которой отчётливо виднелись заголовки статей о решении сессии: «За широкий культурный обмен», «Присуждение международных премий мира».

— Мы должны своим упорным трудом отстаивать великое дело мира, за которое борются все народы.

М. ГОДЕНКО

НА ВАХТЕ МИРА

Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!

Горячий отлив в сердцах миллионов нашли эти слова. Как могучий, неудержимый поток, ширится всенародное движение за мир. Оно охватило все страны, все континенты. Простые люди земного шара жаждут мира и неминуемой войны.

Велика неоцененная заслуга нашей Родины в деле защиты мира. Советские люди, советская молодёжь, знают, что «мира не ждут — мир завоёвывают». Они борются за мир у станков, у доменных печей, в шахтах, на полях. Их труд — прямое действие нарушителей предместия великой миру.

Трудовые успехи народа-созидателя, умно-живающего силу и славу социалистического государства, являются лучшим вкладом в дело защиты мира во всём мире.

Коллектив московского завода имени Владимира Ильина, как и весь наш народ, живёт и трудится с одной мыслью: сделать нашу Родину ещё более могучей, пресечь проники недругов мира, пытающихся разжечь пожар новых войн.

Рабочие, мастера, инженеры, техники завода совместно с коллективами ряда других предприятий выступили с предложением развернуть социалистическое соревнование за экономию и бережливое расходование металла. Коллектив завода взял обязательство сэкономить до конца года пятьдесят тонн металла вместо ранее намеченных двухсот.



...Завод имени Владимира Ильина, моторосборочный цех. Укладчики Валентина Соколова, Евгений Новиков, Анатолий Евтушин у конвейера.

Молодой коммунист Виктор Комаров добился рекордной выработки, применяя резец собственной конструкции. Вместе с инженерно-техническими работниками цеха № 25 Комаров выступил инициатором комплексного резания металла. Для широкой популяризации нового метода и внедрения его в производство в цехе была организована стахановская школа. Первыми в эту школу пришли молодые рабочие комсомольцы В. Бобоев, М. Шишлов и В. Фомин. Н. Свербина.

По три — четыре нормы за смену выполняет сменщик Комарова комсомолец В. Пименов, по четыре — пять норм — коммунист В. Коромыслов. Не отстает от них комсомолы В. Корицева из механического цеха, А. Евтушин из моторосборочного цеха и другие.

Но молодые рабочие не только успешно трудаются. Не выходя из ворот завода, они учатся. При заводе есть свою школу рабочих молодёжи, электромеханический техникум.

Хорошо, дружно живут, работают, учатся ильинцы. Они полны стремления добиваться новых успехов во славу Родины, во имя укрепления мира между народами.

С чувством глубокого удовлетворения встречают коллектива завода решения собирающейся недавно сессии Всемирного Совета Мира. «Победа мира близка. От нас зависит добиться её», — повторяют вместе со всеми людьми добрых воли ильинцы слова Воззвания Всемирного Совета Мира.

Ю. БОРИСОВ



Шесть лет назад в столице Чехословакии Прагу съехались на Всемирный фестиваль молодёжи семнадцать тысяч юношей и девушек из 72 стран мира. Это была первая массовая встреча молодёжи различных стран. В Прагу пришли те, кому дороги мир и дружба народов. Встреча превратилась в волнующий праздник молодых сил мира, ведь о котором



Дом молодёжи мира в Бухаресте, где помещается Международный подготовительный комитет фестиваля.

долетала до самых глухих уголков земного шара.

С тех пор всемирные фестивали молодёжи стоят прекрасной традицией. В 1949 году не фестиваль в Будапешт приехали уже представители 84 стран, а в 1951 году в Берлине встретились 25 тысяч юношей и девушек из 105 разных стран.

Ещё более широким и массовым обещает быть IV Всемирный фестиваль молодёжи в Бухаресте. Молодые люди большинства стран мира готовятся к фестивалю, выбирают своих, делегатов, разыгрывают номера, которые они покажут в Бухаресте, с любовью готовят подарки своим будущим друзьям, собирают материала для научных выставок.

В тысячах городов и сел Европы, Азии, Америки, Африки, Австралии кипит напряжённая подготовка к фестивалю. В эти дни проводятся художественные конкурсы, народные гуляния, спортивные соревнования, организуются местные и национальные фестивали, документальные и художественные выставки.

Во многих странах мира стала чрезвычайно популярной ежедневная газета «Фестиваль», издаваемая Международным подготовительным комитетом в Бухаресте. Газета выходит на английском, французском, русском, испанском, немецком, арабском и румынском языках. С каждым новым номером популярность газеты всё больше повышается. В Бухаресте по адресу «Бульвар Республики, 33» приходит масса писем молодых читателей.

Молодёжь различных стран мира хочет показать на фестивале своё национальное искусство. Юноши и девушки готовят наиболее яркие народные танцы и песни, создают хоровые и хореографические ансамбли, разучивают программы выступлений.

Всё самое лучшее, что представляет народное искусство, повезёт молодёжь в Бу-

харест. Из Англии прибудут молодёжный хор Глазго и Тавенгемский коллектив народных танцев, хор Музыкального общества рабочих, исполнители танцев со шлагами из Тайсайдса, музыкальное общество Уормерс и многое другое коллектива.

Представители Болгарии выступят на фестивале с программой, отображающей богатство народного искусства. В Бухаресте выступят с концертами молодёжный симфонический оркестр, студенческий хор, ансамбль песни и пляски, пионерский хор и цирковая группа.

Многочисленные спортивные федерации будут участвовать в соревнованиях в Бухаресте. В их числе Федерации баскетбола Швейцарии, Федерация велосипедистов Индии, итальянская Федерация бокса и многие другие. На фестиваль приедут свыше 200 спортсменов Венгрии. Из Австрии прибудут футбольисты, гребцы, волейболисты, боксёры, пловцы, легкоатлеты, велосипедисты и борцы.

Участвовать в фестивале изъявили желание олимпийский чемпион Эмиль Затопек, чемпион Европы по боксу Генрих Кукер, обладатель золотой олимпийской медали финский борец Келло Грендаель, чемпион Швеции по прыжкам с трамплина Тойво Оман, олимпийские чемпионы, члены команды легкоатлетов Ямайки Г. Макленни и Г. Роден и ряд других.

Приедут на фестиваль участники майского международного соревнования велосипедистов на трассе Прага — Берлин — Варшава. Для того, чтобы помочь молодым людям колониальных и зависимых стран попасть в Бухарест, был создан Международный фонд спортивной помощи. В десятках стран происходит сбор средств в этот фонд. Только в Чехословакии молодёжь собрала несколько миллионов крон.

Юноши и девушки Дании решили взять шефство над делегацией Золотого Берега (Африка). Молодые люди Дании проводят сбор средств для того, чтобы обеспечить поездку представителей Золотого Берега на фестиваль. Молодёжь Швеции начала сбор средств для делегации Судана. На заводах и в клубах успешно распространяются подписные листы.

Огромная подготовительная работа проводится во всех частях света. В подготовительные комитеты входят не только представители прогрессивных молодёжных организаций, но и деятели самых различных направлений.

Общественные деятели разных стран горячо приветствуют фестиваль, присыпают в Международный подготовительный комитет

многочисленные письма и пожелания. Приставка прислали известный английский адвокат Д. Н. Притт, немецкий писатель Иоганнес Бехер, французский певец Ив Монтан и многое другое.

«Дорогие друзья! — пишет ливанский архитектор Антуан Табе. — Всемирный фестиваль молодёжи и студентов за мир и дружбу является событием огромного значения.

Поддержка, которую молодёжь всего мира окажет усилию всех людей доброй воли, сможет в широкой мере содействовать ослаблению напряжения в международной обстановке...»

Пастор собора города Осло Рагнер Форбен пишет:

«Приветствуя фестиваль молодёжи в Бухаресте. Молодёжь должна стоять рядом с нами в первых рядах, чтобы спасти человечество.

Самая напряжённая подготовка к фестивалю идёт в Румынии. Молодёжь этой страны нужно не только участвовать в программе фестиваля, но и встречать многочисленных зарубежных гостей.

В Бухаресте развернулись огромные работы. В окрестностях города идёт строительство Парка культуры и спорта имени 23 августа, в котором во время фестиваля будут проводиться спортивные состязания и культурно-массовые мероприятия. На месте пустыней и болот возвышается стадион на 80 тысяч мест, площадки для баскетбольных и волейбольных игр, летний театр на 4 тысячи зрителей. В парке создано искусственное озеро с причалами для лодок с берегами, украшенными насаждениями и цветами. Тысячи высаженных деревьев образуют красивые, густые аллеи.

Благоустраиваются существующие парки, скверы и спортивные базы. Здесь буквально полностью посажено 22 тысячи кустарников деревьев, 50 тысяч кустарников, 27 тысяч цветов, 2500 роз и более 1,7 миллиона других цветов. Одновременно в городе проводятся мониторинг и асфальтирование новых улиц, расширяются тротуарные линии и автобусная сеть, ведётся ремонт зданий.

Жители Бухареста активно помогают украшению города. «Ни одного двора без сада, ни одного окна без цветов», — говорят они.

С каждым днём хорошее и украшается Бухарест. Скоро сюда сядутся десятки тысяч участников фестиваля. Их встретят город, полный солнца, зелени, цветов.



Шведская молодёжь с любовью готовит подарки, которые будут переданы зарубежным друзьям на фестивале.

Южный порт столицы. Лучший крановщик страны
комсомолец Александр Ильинцев.
Фото Г. Борисова.





Выпускница подольской школы № 6 отличница Лида Толкунова.



Алексей ЛАСУРИА

РАИСА

Отрывок из повести

П о-разному принимали молодого врача в Киабрухне. Старики ворчали: что, мол, тут сделает девушки, когда мужчина, и тот не спрятался?

А молодёжь радовалась, что врачом у них на селе молодая девушка. Молодёжь полюбила Раису. Раиса из Москвы — никому можно у неё поучиться!

Работать в Киабрухне было нелегко. Село большое, расстояние от врачебного пункта до самого дома километров пятнадцать. Пока от больного придется человеку к врачу, пока врат добрется до больного, времени пройдёт немало.

По пыльной дороге ехал верхом Леуард. Солнце стояло высоко в небе.

Леуард ехал спокойно, ни о чём не тревожась.

Вдруг он услышал смист хлыста — склоня пудра пропела рядом.

Привстал на стременах, Леуард обернулся и совсем недалеко от себя увидел верхового. Вспомнившись, он узнал Раису. Конь её был в мыске.

Когда Раиса поровнялась с Леуардом, он поздоровался с ней и спросил:

— Далеко направилась, Раиса?

— В Накиус!

— К кому?

— К Ехаку!

Румянец выиграл израс с лица Леуарда, он побледнел, как полотно.

— А кто заболел? — голос у Леуарда дрогнул.

— Ната! — ответила Раиса и пришпорила коня.

Ошеломлённый Леуард от растерянности не знал, что делать. Потом он пустил лошадь вскачь и догнал Раису.

— А что говорят, Раиса? Очень она больна?

— Очень, Леуард...
Раиса не понимала, почему так встревожился Леуард.

— Да что с тобой, Леуард?
Но вместо того, что отвестить ей, юноша взглянул на неё умоляюще и попросил:

— Поспешите, Раиса...
Почему же в самом деле так задела Леуарда весть о болезни Наты? Ведь они не были родственниками... Может быть, они любили друг друга? Ну конечно! Три дня назад они договорились поженииться, назначили день свадьбы, составили план предстоящих торжеств. Тогда Ната была такой весёлой...

Ворота были открыты. Раиса и Леуард въехали во двор.

Леуард спрыгнул на землю, взял за узду коня Раисы и поддержал стремя, пока она слезала с коня.
Обняв мати Наты, прошедшую чай настичу, Раиса прошла в дом, к большой. Леуард привезла лошадь к забору и, сев на скамью, тени густоватого дерева, закурил. Нальши сидел против него. Всеми чувствами, всеми своими помыслами он был сейчас у изголовья больной.

Если бы некою обычай, он не сидел бы сейчас по двору, а вошел бы в комнату. И, может быть, от его теплых, ласковых слов Ната стало бы легче. Но обычай запрещал ему переступать порог её дома, и Леуард не мог нарушить обычая.

Он то вставал со скамьи, то опять садился на неё, то начинал ходить по двору, словно загнанный в клетку тигр.

Ната в это время лежала на кровати неподвижная, холодная, как лёд, пульс у неё был еле-еле; она через силу отвечала на вопросы, которые задавала ей Раиса.

Выслушав болыную, Раиса тут же сделала ей инъекцию адреналина.

— Она выживет! — Ты спасешь её, да? — прерывистым голосом спросила мать Наты. Старуху била дрожь. Она сама выглядела бледной.

Не беспокойтесь, всё будет хорошо! — Раиса успокаивающе улыбнулась.
Увидев, что больная наконец начала приходить в себя, Раиса вышла во двор. Леуард вскочил со скамьи и бросился к ней.

— Ну как? — задыхаясь от волнения, спросил он.

— Нужно везти её в больницу. Срочно! Ты не знаешь, где можно достать машину?

— Машину будет!

Не прошло и полчаса, как Леуард въехал во двор на «Москвиче». Большую одели, посадили в машину. Мать села рядом с дочерью, крепко обхватив её своими старыми худыми руками.

Машина плавно выехала за ворота.

Когда Ната приоткрыла глаза, взгляд её упал на маленько зеркальное, сверкавшее перед водителем.

Она узнала Леуарда, кинула ему чуть заметно и даже улыбнулась, пересиливая слабость. Леуард следил за каждым её движением.

Ах, чудесные это были люди! и тот, кто придумал зеркало, и тот, кто додумался прикрепить его перед водителем!

Как только выехали на просп. Леуард добавил скорость, и машина, опережая ветер, помчалась вперёд.

Потухли огни в домах. Только в окнах Раисы горел свет.
Тишина...



Щенок, тякающий весь день в сених, поджав хвост, свернулся на сырой земле, словно на мягкой постели: коровы, перестав щипать траву и пристроившись под деревом, медленно переворачивали жвачку.

Тишину нарушил «храп» Маринки — хозяйствинки у которой жила Раиса — да мурлык, сидящий на стенных часах.

Раиса сидела за столом, склонившись над тетрадью. Две раза в неделю она выступала перед колхозниками с лекциями, проводила с ними беседы. Кнабрхуна засыпали её вопросами, и, чтобы не удирить лицом в грязь, Раиса тщательно готовилась к каждой лекции.

Закончив писать, она отодвинула тетрадь и раскрыла томик стихов Пушкина.

Из книги, к удивлению Раисы, выпал маленький — треугольником — конверт. Последним книгу читал Алиас. Может, это он и забыл письмо в книге? Раиса уже собиралась вложить конверт обратно, но неожиданно заметила, что письмо адресовано ей. Пожав плечами, Раиса вскрыла его, прошебкала по строчкам (многие из них были перечёркнуты): «Прощу Вас, не сердитесь на меня... И если можно, не откажите мне в одной просьбе. Мне очень нужно поговорить с Вами. Если Вы согласны, то я буду ждать Вас завтра, в шесть часов вечера, в нашем сквере, влево от угла, у скамьи. Уважающий Вас Алиас».

Раиса читала письмо, и с каждой строчкой росло её удивление. Что всё это зна-

чит? О чём ему нужно говорить с ней? «А, да просто так!» — успокаивала она себя и положила письмо в книгу.

Она определила подбородком о аллюзии, в которую стала задумчивым. Вспоминания называли её на неё. И, конечно же, первым, кто ей вспомнился, был Борис.

Тихо, для двух любящих находиться в разлуке!

О влюбленных порой говорят так: чем реже они видят друг друга, тем крепче их любовь. Уверяют даже, что любовь испытывается временем, расстоянием, превращается в разлуку. Может, это и так. Но Раиса всё-таки хотела быть вместе с любым. А он был далеко.

Долго она размышляла, сидя над книгой.

В это время собака выскошла из своей конуры и с громким лаем бросилась к воротам. Ворота скрипнули. Кто-то свистнул псу. Псы послышались каешка.

Ночного гостя подождали уже к самым дверям:

— Есть кто дома?
Раиса вышла навстречу.

— Все дома.
Гость, видно, так был расстроен и перепутан чем-то, что забыл даже поздороваться.

— Дорогая, поедем скорее, вижу плохо... С самого вечера захворал... Мы все ждали: вот-вот придёт облегчение. Но ему всё хуже и хуже...

Старик еле держался на ногах от боли и усталости.

Раиса быстро оделась и приготовилась в путь.

— Дал придётся пешком идти, — извиняющимся голосом сказала старик. — Коня никогда было искать, время не ждёт...

— Не стоит об этом, отец. Давайте-ка поторопимся!

Старик сократил путь, они пошли не по главной улице, а по узким тропинкам, что вились между дворами. Старик шёл впереди. Раиса следовала за ним. Она не успела ещё изучить всех «лисовых троп» Кнабрхуна. Зато она сразу сумела найти в Кнабрхуне основную дорогу: дорогу к сердцам людей.

Старик Лагу доживал последние годы. Как у нас говорится, он в жизни всё способ уж съел и выпил.

Единственной радостью, единственным утешением старика оставался внук. «Красный, Лагу! — говорил себе старик. — Ты не имеешь права падать духом! Погляди, вон какой у тебя вину растёт!»

Теперь вину заболел, жизнь его была в опасности.

Старик и Раиса шли, всё убыстряя шаги. Раиса пыталась подбодрить старика, но как-то не удавалось.

Они пересекли широкое поле и вступили в тёмный, глухой лес. Им нужно было пройти весь лес, около пяти километров, а там, за лесом, и жила Лагу.

Лес словно спал. Ни одна веть в нём не шевелилась. Тишина стояла в лесу, и казалось, что прислушивалась к шагам Раисы и Лагу.

Темно, тихо, и только где-то далеко-далеко кричала сова.

И вдруг лес проснулся. Слышна из леса послышалась волк, ай, хрин. Шум близился, становился всё сильнее.

Раисе стало не по себе. У неё зуб на зуб не попадал от страха. Такое с ней было, дождя вой, вторые.

— Не бойся, дядя, не бойся! — старик обнял дрожавшую от страха девушку.

— Что это, отец?..

— Да лисицы, верно. Их бояться нечего!

Лагу говорил так только для того, чтобы успокоить Раису. Сам он был перепуган не меньше девушки: ему пришло на ум, что это могли быть и волки.

Так оно и есть... На путников надвигалась волчья стая. Волки были злы, разъярённые, они дрались между собой из-за волчьих, за которых они все следовали. Лагу хорошо знала волчью повадку. В такое время волки особенно страшны. Они могут напасть на любого.

— Ага, дядя, лезь скорей! — старик показал Раисе на дерево, склонившись над ними.

Раиса взглянула на Лагу растерянно. Не то же бросилась туда и началь карабкаться на дерево.

Волки замотали путников. Глаза их горели в темноте, словно огньки.

У Раисы от испуга до синяка, но дуга ноги срывалась с ветвей и сучьев, но она крепко вцепилась в дерево руками и поднималась всё выше.

Лагу встала спиной к дереву и приготовилась к схватке. Он взглянул перед собой алабадзу! и крикнув в темноту:

— Не подходите лучше, про��айтесь.
— Не подходите-е-е! — откаликнулось гадто вдвоем.

Перед Лагу стояли, хищно сверкая глазами, пять волков, готовых к прыжке. Они ждали только удобного момента, не отводили от Лагу горящих глаз.

В сердце Лагу не было страха. Он не думал сейчас о себе. Ему нечего было беспокоиться и о Раисе: она находилась в безопасности. Милицы старика были обрашены к книжке. Может, его уж и в живых нет... Старик заскрипели зубами... Гордо ему перехватывали неинвист — жгучая неинвист к смерти. Это сама смерть выслала и настав trout волков!

И старик ещё крепче скжал в руках алабадзу.

1 Папка с железным наконечником.

Ему пришлось крепко поработать своей плаской.

Он устал. Рубаха прилипла к телу, а волки всё не унимались. Уже больше десяти минут продолжалась схватка человека с волками.

Лагу возила алабашу в пасты пригнувшего на него волка. Но силы начали изменять старику. Ещё минута — и он выпустит из рук алабашу, рухнет на землю. «Пропала... Всё пропало!» — пропадалось в его сознании. И в это время с той стороны прибежали волки, послышалась лай собак и чётко произнёсший крик. Усымых лай, волки встали в круг, словно хотели посвящаться о том, как им лучше удрать.

Показавшиеся из-за деревьев собаки с яростью набросились на волков. Началась ежесточенная схватка. На шум прибежала человек с ружьём в руках. Он снова крикнул что-то и два раза выстрелил в темноту.

При звуке выстрелов волки пустились наутёк, и долго ещё не затихал лай гавнявшихся за ними собак.

Лагу сидел у дерева ни жив, ни мёртв. Он до сих пор не мог ещё прийти в себя.

Алиас — это и именно он пришёл на выручку путников — подбежал к старику, забодавши склонился над ним:

— Что с тобой, Лагу? Как ты сюда попадал?

Пока он распиривал старика, с деревя слезла Райса.

— Спасибо, Алиас! — она протянула ему руку.

Юноша смотрел на неё растерянно и удивлённо. Всё было, как в сказке: девушка опустилась к нему откуда-то с небес.

Алиас коротко рассказал путникам, как они здесь очутились. Волки, оказывается, напали на ферму, а после того, как их прогнали оттуда, успели по дороге задрать трёх коров. Это случилось неподалёку от места, где жил Алиас. И он преследовал стаю до тех пор, пока не встретилась с Лагу и Райсой.

Вскоре путники расстались с Алиасом, он пошёл своей дорогой, а старик и Райса поспешили к болоту.

Вот показались крыши строений, дом Лагу совсем близко: руки подать.

И вдруг тонкий и острый, как игла, хватаком за сердце женский крик донёсся до путников.

И множество голосов присоединилось к голосу женщины.

Лагу вскочил. Глухие рыданья вырывались из его груди:

— Всё конечно, дочка... Уж лучше бы меня разорвали волки...

Крупные слёзы катились из глаз старика.

И у Райсы сжалось сердце. Горе старика было и её горем.

Так они вошли во двор, где слышались только плач да причитания. По двору, тыча всем в ноги и скуда, бегал щенок. Казалось, и он плакал.

Мать ребёнка рвалась на себя волосы, цапала лицо. Женщинам приходилось крепко держать её за руки. никто, кроме Лагу, не мог бы успокоить невестку. Ни одна большая она не поступала бы. Старик хорошо понимал это. Он взял себя в руки.

— Довольно, дад, успокойся... Ведь не только же с тобой такое случается... Успокойся...

Райса совсем пала духом. Она не могла удержать слёзы. Вспомнила она своих московских друзей, студентов-выпускников, вспомнила профессора, который сказал им тогда: «Счастья человеческую жизнь — высшую доблесть!»

Одна ли Райса несёт ответственность за происшедшее? Ведь если бы в Кнабрхуне были хорошие дороги, имелась больница, а при больницах автомобили, бороться со смертью было бы куда легче! Сегодня умер ребёнок. Ну, а дальше? Разве может

далше так продолжаться? Нет, не с того она начала свою работу в Кнабрхуне!

Теперь она уже не будет медлить.

Широкими, быстрыми шагами Райса шаг к привратнику колодезя. Но в её походке можно было угадать, что она сильно взволнована. Глаза у неё были красные; видно, совсем недавно плакала. Мотыльками порхали за ней кончики её шёлковой косынки. По дороге Райса встретилась с Леуардом.

— Здравствуй, Райса!

— А, это ты, Леуард! — Райса медленно подняла голову. — Здравствуй! Ну, как наша птица?

У Райсы было тяжело на душе, и встречи с Леуардом обрадовала девушку.

— Благодаря твоей помощи осталась жива.

Глаза у юноши радостно блестели, глубокая благодарность светилась в них. Словно Леуарду разогнали печаль Райсы.

— Привезли её из больницы?

— Нет ей, для через два — три привезут... — Леуард замялся. — Послушай, Райса... Я хотел бы тебе попросить...

— Просить никому не запрещено, — улыбнулась Райса.

— Да видишь ли... Не знаю, может, ты обидишься...

— Да в чём дело? — Выкладывай поскорее!

Трудно было Леуарду начать этот разговор, но он набрался храбрости и всётаки начал его:

— Я не знаю, Райса, как мне и отблагодарить тебя за всё... Сполна отблагодарить я, верно, и не в силах. Но я хотел бы... я хочу... В общем нужно же заплатить тебе за твой труд, за твои заботы...

Слова Леуарда ошеломили Райсу. Она сказала растерянно:

— Труд... Какой труд?

— Да вот... Не напрасно же ты... Сколько сна и нервов...

— Но что же не понимаю! Какие силы?.. Что не напрасно?

— Да ведь... за всякий труд... полагается...

— Ты знаешь, хочешь заплатить мне деньги за то, что я помогла Нате?

Когда Райса сердилась на кого-нибудь,

глаза у неё становились тёмными, мрачными, лицо суровело — трудно было представить, что за миг перед этим оно было по-девичи нежным и добрым.

— А для чего же тогда люди работают? — наинизе удивление было написано на лице у Леуарда.

Ну, хорошо, — Райса вдруг улыбнулась. — Помощь будет по-твоему. Но ведь я уже получила свою!

Леуард покраснел.

— Как... как получила... от кого?..

— Да от тебя же и получила! Ты что мне сказала? Что Ната чувствует себя хорошо, правда?

— Ну, так...

— А большого мне и не надо! Жизни!.. Ведь ей не купишь ни за какие деньги! Мы призваны оберегать её, заботиться о ней. Ответственность за жизнь человека мы несём и перед народом и перед своей совестью. Понимаешь меня, Леуард?

Леуард стоял перед Райсой, опустив голову, не смев взглянуть ей в глаза... Он понимал теперь, как сильно обидел Райсу своим предложением.

Я выполнила свой долг, — сказала Райса.

— И, значит, своё получила сполна!

Леуард раздраженно молчал.

Врач, который несколько лет подряд работал в Кнабрхуне до Райсы, завёл в селе свои порядки. Никто не вспоминает его добром: это был ловкий прошлышка и рвач. За лечение он брал и деньги, и вино, и жирных бараков. Врач-дальтонист отстригал ими от работы. Вместо него в Кнабрхун приехала Райса. Но некоторые кнабрхунцы смотрели на неё сначала так же, как и на прежнего врача. Мать Леуарда жить не давала силы: пойти за пойди к Райсе, отблагодари её за Нату. И вот пришлось Леуарду краснеть перед Райсой. Пришлось опустить глаза перед правдой её слов.

Перевод с ахалского
Ю. КАРАСЕВ.



К вершинам Шхельды

Текст В. Пушкина.
Фото М. Анурикова.

Кавказ... Высоко в синее небо вознеслась грозная Шхельда...

Веками считались непрступными её полные таинственного молчания вершины...

И раз пришло время альпинистам покорить непрступную Шхельду. Однако длительное время их попытки были безуспешными.

Но не устояла Шхельда перед мужеством советских лыжников и спортсменов поднявшись на её вершины. И уже вскоре не считалось подвигом взойти на какую-нибудь из её вершин. Тогда альпинисты стали выбирать наиболее трудные пути — самые крутые склоны, по отвесным стена姆...

Вдающиеся успехи добились команда мастеров московского «Спартака», руководимая мастером горного спорта А. С. Абрамовым. Спортсмены проектировали свои маршруты там, где, казалось, невозможno было пройти. Три из них восхождения признаны особо сложными.

В последний раз шли они по одной из самых непрступных сторон Шхельдинского массива — по северной сто-



1. Вот она, грозная Шхельда! (Пунктиром обозначены маршруты восхождений альпинистов «Спартака».)



2. Ранним утром вышли спортсмены из лагеря, нагружившись провизией, палатками, спальных мешками: кто знает, сколько времени придется провести в горах! Отважных уверенно ведут вперед капитаны Альпинистской школы.

Утром хорошо видят. Солнце еще не размягчило снег, обломки скал и камни снованы льдом, — значит, нет опасности камнепада.

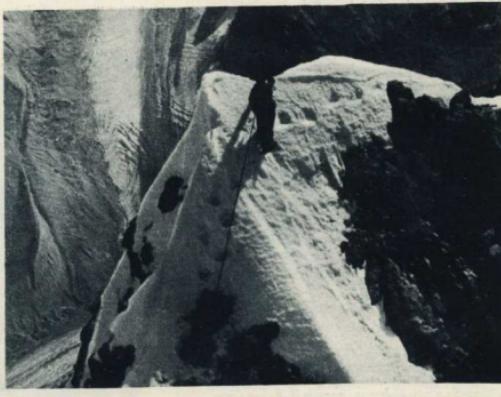


3. Путь проходит по ледникам и моренам. Шаг за шагом приближаются снежные вершины.

Вот как поспутило над огромным камнем солнце: под его яркими лучами отбился лёд и камень стал похож на шляпку огромного гриба.



4. Наступает ночь. Могно и отдохнуть, но все подстерегают опасности для бывалых! Спортсмены разбивают палатки; защищают примусы, разместив приятный запах радиатора горючего. Через полчаса все уже спокойно спали, забравшись в пуховые спальные мешки.



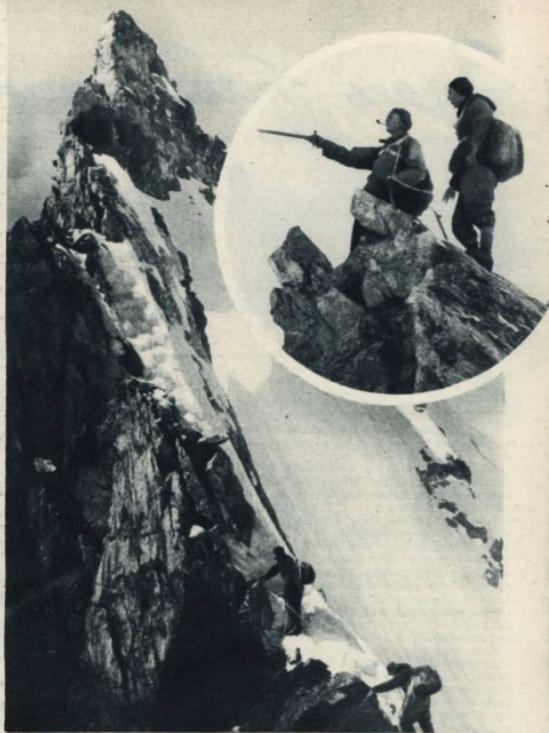
5. Утром снова в путь. Снежные надувы еще прочно держатся на скалах, чити по ним можно без опаски.

Дорога с каждой минутой усложняется. Теперь уже нельзя передвигаться без страховки. Перенимая веревку через звено вбитого в склонавшийся снег ледоруба, альпинисты охраняют друг друга.



6. Всё чаще приходится вбивать в скалы крючья, чтобы обеспечить ещё более надёжную страховку товарищу.

7. Вторая ночь заставляет смельчаков на отвесной стене. Здесь уже не поставить палатки. Но альпинисты — народ смелый, находчивый. Они научились спать и в таком положении.



8. Пять тысяч метров над уровнем моря! Спартановцы уверенно приближаются к вершине. Кажется, что она совсем рядом, но до неё ещё не один час трудного и опасного пути.

9. И наконец вершина! Прекрасная панорама раскинулась перед спортсменами. Нензъяснимое чувство радости наполнило их грудь: победа!



10. Но альпинисты не торопятся подправлять друг друга с успехом: С отвесной стены сбрасывается верёвка, только по ней можно сейчас спуститься...

Вот и капитаном команды, скрываемый товарищем, двинулся мастер спорта Иван Леонов. Под ногами пропадает глубина не менее километра, но капроновая верёвка прочна, она не подведёт!

Но что же это? «Спуск» — это не спуск, а подъём — это не только подъём на ней, но и спуск. Нередко случается, что перед восхождением в лагерь альпинисты встают трудности не меньшие, чем при подъёме. А в лагере с нетерпением ждут смельчаков. Наблюдатели уже сообщили туда об успешном завершении восхождения.

Здесь тебя знают с детства

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки Л. Хайлова.



Дождь подгонял пешеходов с зонтиками и без зонтиков, радовал ребячек журчащими потоками и совершенно не произвил никакого впечатления на Юру, проходившего у входа в Ленинградский политехнический институт. Его сплошные кружевные волосы потемнели от влаги, лёгкий валик промок насквозь. Юноша, не отрываясь, уже полчаса внимательно смотрел на жёлтый фанерный щит, где были написаны условия приёма на все факультеты института.

За последний месяц немало таких фанерных щитов появил Юра Уткин. Недёжное это дело, — получив аттестат, сразу на всю жизнь выбрать себе профессию и не ошибиться, никогда не раскапываться в выборе! Из города Орска, из нынешнего Южного Урала, Юра поехал сначала в Москву с намерением поступить в медицинский.

Юрику не сознавал бы, что он решил стать врачом, конечно, из-за Рены Рена приехала в Орск, училась в одной школе, и Рена вместе с Юрием учились в одной школе, и Рена привела не с пятого класса мечтала о том, дескать она, наследница белой халат, войдёт в детскую поликлинику.

Нельзя сказать, что Юре очень хотелось заниматься именно медицинской, но они поклялись с Реной, что будет всегда вместе...

В Москве же Юра напали сомнения. Он по нескользкому разу в день приходил в медицинский институт, прислушиваясь к разговорам поступающих, читал программы и всё не подавал заявления о приёме.

Кончилось тем, что первый курс был полностью укомпликован, и Юра поехал в Ленинград.

Перед отъездом он запёк на Центральной телеграфе и получил телеграмму от Рены. Рена сообщала, что бачинская в Минской медицинской институт, и волновалась, как едут дела у него.

До сих пор Юра ничего ей не ответил. Да и что можно ответить, если снова он стоит перед дверями очередного звука, так и не знает толком, те ли это самые двери, через которые надо войти в жизнь?

В коридорах Политехнического института было пусто.

Юра заглянул в кабинет с табличкой «Приёмная комиссия».

За столом сидела девушка и перебирала бумаги. В углу на диване пожилая женщина читала газету.

— Вы на какой факультет, товарищ? — строго спросила девушка.

— Я? — запнулся Юра и неуверенно сказал: — На строительный...

Пожилая человек оторвалася от газеты и ульбнулась:

— Почему обязательно на строительный?

Переминаясь с ноги на ногу, Юра промолчал:

— А откуда вы родом? — поинтересовался человек с газетой.

— Из Орска.

— Из Орска? — человек отбросил газету. — Вы родились в Орске и хотите стать строителем? Странно!

— Что тут странного? — разозлился Юра, стараясь отделаться от навязчивого собеседника.

Не обращая внимания на явно недружелюбный тон, пожилая человек задал совершенно неожиданный вопрос:

— Вы знаете, молодой человек, как делается никель?

— Не знаю! — буркнул Юра.

— Никель?

Никель! Ещё Юра не слышал более увлекательного рассказа о производстве металла. За двадцать минут он побывал в плавильном цехе, увидел голубоватое пламя, клюкующее в конвертерах; увидел предупреждающий звон колоколов на мостовом кране, на него дохнуло шекспировским запахом электролизных ванн, он почти физически чувствовал, как приятно провести ладонью по чистому шприцам листового никеля, поблескивающего тусклым сребром...

— И всё это происходит в вашем родном городе, молодой человек, в Орске, на комбинате «Южуральникель». А вы в строители вздумали податься? Вы же, можно сказать, природный металлург. Одни плечи чего стоят!

Пожилая человек положила газету, аккуратно её сложила и вышла из комнаты.

Юра растерянно посмотрел на захлопнувшуюся дверь и шагнул к столу:

— Дайте, пожалуйста, листок бумаги.

Через несколько минут, прокраинув заявление, стругая девушка, рассмеялась:

— Наш профессор Шамин, кого угодно уговорит пойти на металлургический!

На рассвете поезд подходит к Орску.

Широколицый юноша со светлыми волосами и доброй в зелёном платочке клокотало упакованными чемоданами и с нетерпением поднимался в поезд.

Их сосед по купе, усатый мастер, возвращавшийся с курткой, уже давно понял, что это молодожёны и едут они на постоянное место работы, в город Орск.

Старого мастера интересовало только одно: какая у них специальность? Но спросить никак не удавалось.

Как все молодожёны, они слишком были заняты сами собой, беспрерывно о чём-то вполголоса разговаривали, с подёрнутой загублистой окончательностью оказывали друг другу массумелких услуг и словно не замечали своего соседа.

Наконец, удачно минуту, мастер для вежливости откланялся, подёргал себя за ус и спросил:

— Извините, кто вы будете по профессии?

— Я врач, а он металлург, — бойко ответила девушка.

— И куда назначение имеете?

— На «Южуральникель» и в детскую поликлинику.

— Значит, инженер! — оживился старый мастер. — Я с первого дня основания на этом комбинате работал. Знаменитый у нас комбинат! Красавец!

Мастер принялся подробно объяснять, как пройти к комбинату. Молодые люди переглянулись и захихикали.

— Броде не смешное рассказывай, — сердито почесавши усами их сосед.

— Да вы не обижайтесь, — дружелюбно сказал юноша. — Жили здесь в школе учились, а я коренной оренбуржец. Может, знаете мою матушку, Аграфена Ивановну, в гастрономе работала.

— А... — протянул мастер, — сын тёти Грушки! Так бы сразу и говори...

А Юра Уткин за десять минут рассказал старому мастеру о том, как он окончил Ленинградский политехнический институт, как была у него возможность поступить в аспирантуру, и всё же захотелось поработать непосредственно на производстве, до конца проверять, правильно ли он поступил, избрал профессию металлурга.

— Меня тоже из аспирантуры забрал, — начал в юности Рена Рена. — Приехал в Минск и увёз с собой. Объяснял, что надо сначала хорошим практикантом стать.

— И не жалеете? — попобольствовал мастер.

— Нет! — улыбнулась Рена. — Жизнь впереди большая. Всё успеется!



На платформе, легко подхватывая чемоданы, Юра и Рена заторопились к трамваю.

Так в мае тысяча девятьсот пятьдесят второго года инженер Юрий Александрович Уткин и врача Регина Станиславовна Уткина прибыли на место своей работы.

Начальник электролизного цеха лауреат Сталинской премии Евгений Петрович Петров собрал в цеховой конторе сменные мастера.

— Вот наш новый инженер Юрий Александрович Уткин, — сказал он, — прошу любить и жаловать.

Юра сразу опустил на себя пытливые взгляди. Мастера одетые в прокраиненные электролизные спецодежды, смотрели на оценчиво, склонив головами, как смотрят на новое начальство, на человека, с которым предстоит совместно работать и жить.

Степан Семёнович, познакомил товарища Уткина с цехом, — приказал Петров сменному мастеру Клевцову.

Клевцов оказался человеком разговорчивым, любившим всё подробно объяснять и разтолковывать. Он с удовольствием водил Юру по цеху, останавливаясь у каждой электролизной ванни и откладывая свою объяснения одной и той же фразой:

— В общем, все это вы и сами знаете...

Клевцов, конечно, был прав. Юра некоторо знал устройство агрегатов цеха. Не знал он только самого грамматического, как сочинять и писать будущие подчинённые, как найти ту самую правильную форму общения с людьми, когда инженер — не просто теоретически образованный специалист, но и советчик по любому вопросу, старший друг каждого рабочего.

Этому в институте научиться нельзя, и Юра некоторо всматривалась в лица членов цеха, стараясь разглядеть их характер, их особенности и привычки.

Он, например, сразу почувствовал, что второй сменный мастер Иван Иванович Лукин — полная противоположность Клевцову.



Он не занимается подробными объяснениями, не впадает в детали, а скромно, без улыбки, расставив по местам своих людей, требует чёткой и точной работы.

А лучшая электротягичка страны Мария Петрова характер имеет задорный и на малейшем замечании мастера, хитровато улыбаясь, отвечает:

— Что я, стахановка, что ли?

В первые дни юрийской работы хорошо наложенное производство шло само по себе, и казалось, что присутствие смениного инженера в цехе было более не обязательным.

Но однажды цеховую контору ворвался перепуганный рабочий Савостин:

— Юрий Алексеевич! Насос из строя вышел!

Вот оно пришло, первое испытание! Юра сжался, чтобы не высоконуть из-за стола и не броситься к месту аварии. Весь поломка насоса, подвешенного в ванне раствор, грозит выхолода из стоянки всего цеха.

Стараясь говорить как можно спокойнее, Юра спросил:

— А что вы предлаиваете предпринять?

— Я — удумался Савостин.

— Да, именно вы. Работники вы старый и опытный.

Савостин минуту подумал и тут же предложил хитроумный способ переключения всей системы насосов, дающий возможность заменить не останавливающую производство, поломанный насос.

— Вот и прекрасно! Действуйте! А исправлять насос поручите Юровским. Помою, он самий лучший у нас слесарь.

— Точно! Мы его так и зовём: «Сашка-хирург», — улыбнулся Савостин и выбежал из конторы.

Авария была ликвидирована. В этот день Юра случайно подслушал разговор двух рабочих:

— А наш-то новый инженер спокойный...

— Видерху имеет, хоть и молод...

С тех пор Юра начал всерёз тренировать свою выдержку. В самые ответственные минуты он не повышал голоса, ничем внешне не выдавал своего волнения и всегда старался повернуть разговор так, чтобы рабочий или мастер сам нашёл нужное решение вопроса.

Перемену в юриином характере заметила и Рена:

— Ты, Юрка, какой-то слишком серьёзный стал.

Не серьёзный, а взрослый, — отшутился Юра.

Вскоре молодой инженер столкнулся с новой проблемой.

В пеке оказались «единодинники». Отлично работающая бригада грузчиков во время случайных простоев сидела сложка руки, вместо того чтобы помочь на соседнем участке.

— Мы со своей работой справляемся, а почему другие не могут сами спрашиваться? — заявляли их бригадир.

Юра попробовал было объяснять грузчикам, что если они окажут помощь соседям, то у них же самим работы пойдёт быстрее. Но разъяснительная беседа действия не возымела, и

грузчики попрежнему в свободную минуту по-курильни и поругивались:

— Нас не обеспечивают. Не помогают...

А когда электрикам для прокладки под потолком цеха электролинии понадобился мостовой кран, обслуживающий грузчиков, они устроили смешному инженеру скандал:

— Что же это такое, Юрий Алексеевич? Всем мешают! Кран забрали на целый день!

— Электрики взяли кран всего на полчаса... — успокоил грузчиков Юра.

— Знаем мы эти полчаса! — скептически отозвалась бригадир. — До самого вечера растянут!

— А вы бы им помогли!

— Мы к электричеству не касаемся. Мы грузчики. Юрий Алексеевич.

— Но кабэд пошатать вы сумете?

Ничего не ответив, грузчики повернулись и ушли покурить.

Юра их не оставил и, недолго думая, сам забрался на мостовой кран, принялася помогать электрикам.

— Юрий Алексеевич! — окликнули его снизу. — Вы бы сошли. Мы малость подсобим.

— Не выйдет! — резко отверг бригадир грузчиков Юра. — Теперь и без вас обойдётся.

Кран грузчики получили через двадцать минут. Бригадир подошёл к Юре и смущённо проговорил:

— Следующий раз будем знать, Юрий Алексеевич! Вы нас в стыд внесли...

• • •

Каждый раз после смены Юра возвращается на трамвай домой через весь город.

Он любит сидеть у окна и обдумывать прошлый день.

Ему нравятся все неполадки за прошлую смену — ищет в причинах, и прежде всего ищет в самом себе.

За скромок мелькают двухэтажные и трёхэтажные дома, по прогулкам под матовыми круглыми фонарями торопятся люди, а прямо за краиной дома асфальтированная улица ширится в степь, обрамлённую южными отрогами Уральского хребта.

«Город без окраин» — так зовут выросший из пылиятки молодой Орск его коренные жители.

В одном из новых трёхэтажных домов квартира Уткиных.

Немало постарались Рена и мать Юры Аграфена Яковлевна, чтобы в квартире был настоящий семейный уют. Поблескивают золотыми страницами книги на полке, чуть пахнут чистой смокинговой листовой фильтру.

Это где-то вспомогательное, а квартира, — называлось это слово, — и студенческое общежитие, отличалась аккуратностью.

Юра тоже внес свой «технический» вклад в оформление квартиры. Он установил две лампы дневного света, и теперь Аграфена Яковлевна больше не жалуется на реакции лучей прямого света.

Вечером вся семья Уткиных собирается в столовой.

Стало правило, что за чаем каждый должен поделиться своими заботами и делами.

Аграфена Яковлевна любит говорить о трудах работы продающих. Ведь магазин — это самое настоящее производство, и есть какое сложное! Все покупатели имеют собственные запросы и требования. Вот и нужно терпеливо их выслушать, вежливо отвечать.

Но так-то просто лёгkо! Поквадальное определение, существующее уже двадцать лет, — «богодарительная продающница»!

Рена не терпится рассказать о своих маленьких пациентах, которым совершилось неизлечимое в наше замечательное время.

Рассказывая о детской клинике она может подолгу и с большим увлечением. Часто болезнь чужого ребёнка становится кровным делом семьи Уткиных и еще с порога Аграфена Яковлевна спрашивает:

— Как у него температура?..

Когда за час очередь доходит до Юры, он обычно кратко отвечает:

— У меня сегодня всё в порядке...

Потом в квартире наступает тишина. Рена выкладывает на стол туалетные мыла мединских спрашников, а Юра с удовольствием разрезает страницы только что полученных новых брошюр по металургии.

Грузчики попрежнему в свободную минуту по-курильни и поругивались:

— Нас не обеспечивают. Не помогают...

А когда электрикам для прокладки под потолком цеха электролинии понадобился мостовой кран, обслуживающий грузчиков, они устроили смешному инженеру скандал:

— Что же это такое, Юрий Алексеевич? Всем мешают! Кран забрали на целый день!

— Электрики взяли кран всего на полчаса... — успокоил грузчиков Юра.

— Знаем мы эти полчаса! — скептически отозвалась бригадир.

— Следующий раз будем знать, Юрий Алексеевич! Вы нас в стыд внесли...

Непреложный закон молодого специалиста — повышать свою знания — органически вошёл в жизнь Юры и Рены, и потому привыкаются книги на полке — скоро придётся приобретать книжный шкаф.

Примерно в половине одиннадцатого вечера с глухим стуком открывается дверь и в комнату проникает следующий колесо велосипеда.

А, велосипедист! — приветствует коротко остиженный парня Юра. — Что задал?

Юрий приветствует в угол свою видавшую виды машину, вынимает из кармана скрученные в трубку тетрадки и подсаживается к столу.

Это муж юрииной сестры — Василий Ильинич. Он живёт и работает в городе Новотроицке.

За двенадцать километров Василий ездит каждый день в Орск заниматься на подготовительных курсах индустриального института, открывающихся осенью в Орске.

Василий не первый год курсирует на велосипеде между Ново-Троицком и Орском. Он уже окончил, как говорит Юра, «при помощи педагога Юрия» техникум велосипедного техникума.

Много уважения и горной жажды знаний у этого корененого парня.

Самые сложные задания всегда пытаются выполнить начальница сама, а потом уже обращается к Юре за помощью, просит нужных пособий и книг. Сейчас его волнует та же проблема, что волновала Юру пять лет назад. Как-то он спросил Юру:

— А скажи честно: не раскаиваешься, что стал металлургом?

— Нет, — твёрдо отвечает Юра, — профессор Шамин оказался прав.

— А кто такой Шамин? — понтересовался Василий.

Передовая Василию рассказ Шамина о никеле, Юра не заметил, что говорят уже совсем другие слова, говорят как любящий свой дело инженер-производитель.

Правда, я ешё ничего особенного не сделал, ничего не прибавил в металлургии, — сознался Василий Юра.

Василий улыбнулся и промолчал.

Весь ёб-таки не зря уже несколько месяцев смена инженера Уткина за беззларность и перевыполнение плана держит переходящее золотое знамя.

А недавно Аграфена Яковлевна пришла из магазина и обрадовала сообщила:

— Знаешь, как про мы начали говорить? «Это тётя Груша, у которой сын сменим инженером работает!».

В мае исполнился год, как молодой специалист комсомолец Юрий Алексеевич Уткин переступил порог цеха.

Многому он научился, многое узнал, и теперь, чтобы быть ёб-таки ближе к коллективу, чтобы с ёб-такойшиной вместе бороться за смену, он готовится к ответственнейшей шагу в жизни — к вступлению в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

лирика



Село мое

Село мое Красный Осёлок
Стонт на Высокой горе,
Явились сюда новосёлы
Ещё при Великом Петре, —

Откуда, я точно не знаю.
Поставили избы свои.
И, хоть сторона не лесная,
Запели вовсю соловьи.

Садов насадили. Весной
От них, как от снега, бело,
И что б ни случалось со мною,
Я помнил родное село.

А нынче на целое лето
Принеся сюда отдыхать.
— Вот учишься ты на поэта,
Но что-то тебя не слыхать!

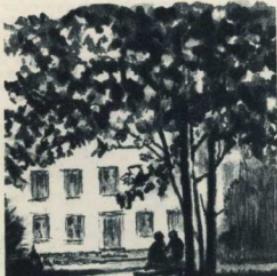
— Наверно, не лёгкое дело.
— Дела-то ведь все не лягти.
— А главное, надо быть смелым,
Советуют мне земляки.

— Как кончиши учиться, обраться
Примешай домой или нет?
— В колхозе, — шучу я, — по штату
Пока не положен пост.

— Что, правда, то правда. Об этом
Задуматься стоит не раз.
Пожалуй, лишь только поэт
У нас не хватает сейчас.

• • •

От тебя ни писем, ни открыток.
Почему? Не знаю, почему.
Может быть, тобою позабыто
То, что близко сердцу моему?



Жёлтых клянов шумное собрание,
Институтский вымощенный двор,
Необычность первого свиданья
И совсем обычный разговор...

Волжскими ветрами побудою,
Засмущало здорово меня,
И уж ты, пожалуйста, не думай,
Что хожу я, голову склоня.

Проживу лет сто, но унывая,
Ни впадая в душную тоску.
Многое мне здесь напоминает
Милую далёкую Москву.

Ну, а сколько девушки! Пожалуй,
Мне теперь от них не сдрововать:
Каждый раз из танцы приглашают,
Я же не умею танцевать.

И одной, ничем не знаменитой,
Всё бы душу с радостью отдал,
Если б я ни писем, ни открыток
От тебя, далёкая, не ждал.



Осень

Листья падают.

Грустно

На задворках села.
С вкусным хрестом капусты
Осень в избу вошла.
Угощает по-русски
За обедом она
Огуречной закуской,
Доброй чаркой вина,
Трудовым карааем
И хозяйствской лаской.

За рекой дорогает
Лето бабьего сказка.

Избам в скрипе очи
Хлещет дождь без конца,
Даже кочет не хочет
Погулять у крыльца.
Видно, сладко так спится

На насесте ему.
Ну, а мне, стихописцу,
Почему, не пойму, —
Не сидится мне дома.
По тропинке сырой
Ухожу к агроному
Предвечерней порой.
Агроном — мой товарищ.
Хоть он сед, но не стар:
Время тех только старит,
Кто от жизни отстал.
Грудью яблок завален
Весь его кабинет,
Малакт — сам себя хвалит,
Брызжет соком ранит...
И отрадно, что осень
Из колхозных садов
С грустью листьев приносит
Радость сочных плодов.

Яблоки

Наливали янтарным соком
Перезревшие изысканные зори,
Не стражнуло их ранние срока
Ни ветрами и ни грозой.

Нарядились красиво, лучисто,
Слоня в гости к кому пойдут,
А на выставку быть случится,
Не волнается — не подведут.

Боровника крупна на редкость.
Упадёт — слышен зерен щёлк,
Не охота держать на ветках
Налипшую розовость щёк.

А ражманка нежна, как юность,
Все, до яблочка, — первый сорт.
Красота с ней соревнуясь,
Зимостойкий дремлет апорт.

Он давно повзрослая, но всё же
Лучше к яблоне не ходи:
Оторвать ты его не сможешь
От зелёной её груди.

Дашь созреть ему, чтоб прозрачен,
Всё он взял от родной земли,
Чтобы зори цветистей, ярче
На круглые бока легки.

Постоишь где-нибудь поодаль,
Скажешь: экая благодать!
Тем и славятся садоводы,
Что умеют упорно ждать.



В Воронежском драматическом театре. Сцена из новеллы Шекспира «Много шума из ничего». Роль молодого сановника — Н. И. Лихонина. Геро — В. Н. Форинский. Гера — Н. В. Санко. Вокруг — заслуженная артистка РСФСР Н. В. фирсова.

фото А. Мокленова.





Москва. Стадион «Динамо». Первенство Европы по баскетболу для мужчин.
На снимке: момент встречи между командами СССР и Франции.

ФОТО Е. УМНОВА.



ЧЖАО ШУ-ЛИ

ЗЕМЛЯ

Рассказ

В деревне Ванцзячжуан проводилось съединение арендной платы за землю. После того как были проверены арендные отношения помещика Ван Лао-сы с его арендаторами и заключены новые контракты, председатель Крестьянского союза спросил помещика, будут ли у него какие-нибудь замечания.

— Это же закон, — ответил Ван Лао-сы, — какие же тут могут быть ещё замечания?

Закон-то установлен по справедливости, — сказал на это деревенский староста. — Но мы должны не только осуществить закон, но и довести его до сознания.

— По правде сказать, — вздохнул Ван Лао-сы, — со сознанием моего это что-то не ходит. Ведь арендную плату я получаю за свою собственную землю. С какой же стати я должен получать за неё меньше? Вы говорите, что я должен считаться с арендаторами. А почему же арендаторы не должны считаться со мной? Семьи у меня не маенилья, а живём мы все тольким арендной платой. А позапрошлый год был засуха и арендаторы с арендаторов не получали. Все свои запасы проевали и всё-таки не скопы концами свести. Разве обо мне тогда никто позабылся? Почему же я только я один должен заботиться о других?

Сначала председатель Крестьянского союза, а потом работник из волости побывал ему разъяснить, что хлеб дёлается не землей, а трудом. Но Ван Лао-сы стоял на своём.

— Снижение арендной платы, — говорил он, — проводится согласно закону. Что же тут против этого сказать? Но если вы хотите усыщать от меня правду, так я скажу: не согласен я с вашей правотой. Если, как вы говорите, хлеб дёлается не землей, а трудом, так пусть они отдаут мне мою землю обратно, а сами пашут

на небе! Вы стоите за свободу мысли, и я волен думать так, как мне хочется. И через тысячу лет не дойдёт до меня ваши идеи!

Тогда поднялся деревенский учитель Ван Ало-сы и сказал, обращаясь к Ван Лао-сы, своему младшему брату:

— Ало-сы! Не говори ты больше про землю, не серди меня попусту! Ты знаешь, какая у меня была земля на участке, что я сдавал Старому Чану. Участок на склоне горы, и от самой вершины до подножия всё краснозём да песок. В старой купчей так прямо и написано было: пустыня. А я ёщё от родителей слыхал: некогда его отцу Старого Чана. И что же? Но природа не лжет, как семья Чанов поднялась на склоне горы грядуща му! прекрасной земли. А потом появилась там семья Вана и семья Суна. Так из нашей деревни на этой пустынной горе посадились три семьи, и в последнее время они обрабатывали там уже, пожалуй, му! столько они хлеба там собирали, не скажу, не знаю, но каждый год одной арендной платы вносила мне шестьдесят пиккуй! А теперь за эту землю мне не то что шестьдесят пиккуй, но и шесть шэн¹ никто не заплатит.

Позапрошлый год в наших краях японские десантно-штурмовые (гоминидановские) бандиты были в деревне, а ту саму сучились большими засухами. Этой весной лето началось дождь и выпало, что земля лежала красная, растерзанная. Да, ты ведь сам с этим и сам знаешь! Из двухсот семейств нашей деревни кто-то разбежался, и во всей деревне едва тридцать — сорок семей осталось. Как раз в это время пришёл ко мне Старый Чан и просил взаймы немного зерна. Он рассказал, что его соседи Ван и Сун из-за голода вместе с семьями бежали в другие места. Вскоре и сам старина Чан умер с голода, старуха его вместе с детьми вернулась на родину в Линьинь, и хутор на горе совсем опустел, больше там не было ни души. Вспомнишь об этом, досада берёт: надо было дать людям хоть немножко зерна.

А осенью Восьмая армия позела наступление на укрепление японских дзялов, и нам пришлось скрываться на хуторе Старого Чана. Чаны и сам поминешь, весной в тот год никто не селя, а всю осень шли такие дожди, что участок зарос высоким бурьяном — там легко было спря-

таться. В фазе на хуторе никто не жил. Разросшаяся вокруг дома повалка загородила окна. На стропилах крыши висело большое, похожее на кувшин осиное дерево. В тот вечер все так устали, что, едва подошли до хутора, повалились, как подкошенные. Одним я не мог уснуть всю ночь.

Да и как было заснуть! Ты сам посуди: в деревне у меня всего три му земли под огородом, что за южной оградой. Да и что в них толку? Разве все мои доходы не поступают с этого участка на горе? Сердце у меня так и скакало, когда я увидел, что там вместо хлеба растёт один лишь бересклет.

Однако ни эйршики арендной платы мне никто, конечно, не внес. А семья у меня привыкла жить широко. Недаром говорится: «Коловод» во дворе храма, а звук его разносится далеко окрест». Честью своей дорожит наяд. Знаю, dochьери вали замуж. Надо было за подруги свадебные отдавать, готовить приданое, устраивая угощения для родственников, принимать зятя. Но хотелось лицом в грязь ударить, а стояло шаг ступить на макушку двинуть — всё деньги на дарлы. А тут ёщё и время такое тревожное: то японские дьяволы придут со своими поборами, то солдаты Цзи Чжэн-куя с грабежами. Ты сам понимаешь, где уж тут хористы зерна сохраняться! Чтобы и самим есть, расходы разные оплатить, всё из одних карманов же зажром загребали. Скоро и в рисовом и в пшеничном закромах дно показалось. У меня у самого печень² словно морозом сковало. Зимой я и дворники отступили, и повору расчёту дал. А семья у меня, сам знаешь, какая. Сынишке семье лет — кущате горазд, а работать не смыслят. Невестка твоя всю свою жизнь привыкла на

¹ Му — 1/16 гектара.
² Пиккуль (ши) — мера симпличных тел объёмом 100 литров. шэн — одна сотая пиккуля.



каке¹ сидеть и дождаться, когда позовут обедать. Я сам без лошади дороги за ворота не знал. Так вот и жили все трое: не только ничего не производили, но и из готового-то сделать ничего не умели. Жена, если обед приносил, или комнату подметят, уже взамен с ног от усталости. А мне на целый день хватало работы — покормить лошадей до склону на базар. За целый день я не успевал скосить пары травников. Даже зерно смолоть, и то нанимался работника.

На первый год у нас две недели гостила зятья, которые, как застрия на дне закромов, были подицами. Мы с женой совсем затосковали. Я предложил было переехать на участок, который арендовал семья Чайнов, и жена и смишьтаб об этом не хотела. Она говорила, что жить на кухоре одним очень опасно.

Наступила весна. Соседи привились таскать удобрения на поля.

«А что, не засеть им нам тут три му, которые у тебя подсобородок?» — спрашивала жену. «Земля тут хорошая, можно собрать добрый урожай. Если жить покомпактней, то его, пожалуй, и хватит, чтобы нам троим прокормиться».

Жена согласилась. На другой день пошла я взглянуть на участок. На грядках вследу горчали остатки стеблей прошлогоднего периода и бахчаканов. Я решил, что прежде, чем таскать навоз, надо их выкопать.

Мне это казалось сущим пустяком. Но кто же мог подумать, что обрабатывать землю — это не такое простое дело! Не веришь, братец, так поди сам попробуй! Ни несколюх земли не выкопаешь, ни поле не засеешь. Косни, я стябл серпом — не коснется! Рубиша топором — не рубится: руньших их с одной стороны, они гнутся в другую. Прободав подсекать их мотыгой — тоже ничего не выходишь: корни глубокие, ушли в землю, да и стебль так много, что не развернешься, и под самый корень никак не достанешь. Три раза я бегал домой за различными инструментами, и все не годились. Наконец, я придумал способ: сначала расчистил край грядки мотыгой, потом заходил с другой стороны, притянул стебель к земле, и, ухватив его ногами и рукачи головой, Но дело подвело — мотыга ускользнула. Уж скоро обя, а я и ольной грязи не сумел расчистить. К счастью, сосед мой Сло Ган возвращался с поля с корзиной. Увидев, как я, ухватившись пальцами за топорище, рублю стеблем бахчакана, он так и покатился со смеху, а я от стыда не мог головы поднять. Нахождотвавшись, он сказал мне, что так не годится. Он поставил корзину на землю, взял мотыгу и стал мне показывать. И странное дело! Стебль бахчакана падал под мотыгу, его как бы не трогал. Он толкнул меня, и я, не падая, забралась на грядку уже бахчицина! А мне на это потребовалось целое утро! Потом он подложил мотыгу, поднял на плечо корзину, я и продолжала расчищать грядки, стараясь во всем ему подражать. Но только же, для он выкорчевывала куст за один — два взмаха мотыгой, мне приходилось делать пять — шесть ударов. Скоро на обеих руках вскочили водяные мозоли. Но я сказала и продолжала работу. К обеду с участком кое-как было покончено. Однако я чувствовала себя таким разбитым, что, побывав, проспала до утра.

На другой день я собралась возить навоз на поля, но лошадь так ломила, что об этом стало страшно подумать, и я послала набирать навоз жену. Только для неё это оказалось не по силам. Она как раз носила траур по своей матери. На ногах у неё были белые туфли². Ты только, братец, не смеялся. Впрочем, я ведь и сам знаешь свою невестку: она никак не могла допустить, чтобы ни её белых туфлях, даже поношенных, чернею хоть

одно пятнышко. Каково же ей было идти нагребать навоз! Но комуто надо было всё-таки браться за эту работу. Отговориться ей было нечем, и, взяв лошадь, она отправилась на конюшню. Шла она медленно, стараясь не испачкать свою белые туфельки. Делала шаг вперёд не раньше, чем склонялась на земле сухое mestechko. Я смотрел ей вслед, с трудом удерживаясь от смеха.

В прошлые годы дворники таскали навоз из конюшни на огород. Теперь же дворники рассчитали, и к навозу, конечно, никто цеуль зиму не прикасался. Он слежался, и набирать его было трудно. Жена нажимала на лошадь сверху, но лошадь не шла. Она пыталась подцепить навоз, деряя лошадь горизонтально, но при таком положении большине пласти выскакивали из навоза перекрывались через край. Тогда жена перевернула лошадь. Она пыталась сорвать с неё седло, но седло не поддавалось. А тут ещё в довершение несчастия она оступилась и испачкала свою белые туфельки. Братец, не смеялся. Угадай, что она сделала? Она отшвырнула лошадь, в два прыжки выскочила из конюшни и привинчилась топты ногами, а затем носовым плащом оттирала испачканные туфельки. Стоя в сторонке, я засмеялся, и чем больше я смеялся, тем сильнее сердилась жена. До того она оттирала свои туфли, но жёлтые пятна так и остались. Тут она заметила вспомогательную большую водяную пыльцу. Это окончательно вышибло её из себя, и с громкой бранью она скрутилась в фанзе. Чувствуя себя вынужденной перед женой, я решил сам взяться за лошадь.

Но и у меня это получалось немногим лучше. Как я ни вертел лошадь, на ней ничего не набирались. Тогда я забралась на кучу навоза и привинчилась что есть силы разбивать ее лошадью. От кучи откалывались большие пласти. Я боялась, что если разбить их помельче, то собрать будет трудно, и поэтому бросала в корзину разные глыбы. Мне же в голову не пришло, что это было не то. Корзина, которую я носила, была наполовину полна, но линить её на лошадь было некому. Жена рассердилась, ей, конечно, не дозвольшила. Никого из соседей не было дома. Я не знала, что делать. Наконец показалась Сло Ган, возвращавшаяся с поля. Он сразу сообразил, что надо было сделать. Выбросил из корзины половину навоза, легко поднял её на лошадь, а затем лошадь заполнила корзину доверху. Так первая корзинка уехала на конец в поле. И на этот раз я кое-кому научилась. Больше я уже не снимала корзину, а только привинчивала лошадь и забиралась на поля. Всё это было несложно, и я забиралась с поля, вспоминая, какими-нибудь стяжками, и уезжала. Но мне было трудно вылезти из корзины: уж больно было удачно.

Если всё тебе так «подробно» рассказываешь, братец, так и трёх дней будет мало. Рассказывай самовсю главно.

Так вот. Навоз вывезли в поле. Прощёл дождик. Сам-то я пахать не умею. Я отдал лошадь на день соседу, и он за это в два дня мне и вспахал и засеял участок.

Ты же знаешь, почти весь скот у нас угнан крестьянами. Во время дождика мы с моим лошадью сидели, пившись, на большой гордея скота. Люди сами вспарывались в плаут. Когда пришла Восьмая армия, народ стал создавать группы взаимопомощи для совместной обработки земли. Меня тоже советовали вступить в такую группу. Но мне не хотелось этого делать.

«Работать же я не умею», — говорила я. «Не можешь много, — ответила мне, — так работай себой помалесущей. Нам бы хоть скот сбрить, и то ладно».

Но в то время я была ещё несознательным. Я подумала: отдана я лошадь, все на ней буду делать. И вспомнила, что это что за работа? Я спросила:

«А что, можно не вступать в группу?»

«Это — дело добровольное», — отвечали мне.

«Ну так я не желаю», — заявила я в ответ на приглашение вступить в группу.

Но скоро мне пришлось пожалеть об этом решении. Не то что лошади, но и сено было нечего. Не было ни клочка сена, ни горсти отрубей, и скотина совсем отошла. И я понимала, что чёртова супка хотела вак-навозу пропрыгнуться. Между тем всхомы покинул дружно. Но синь быстрее росли сорняки, и вынуждать их мы никак не могли. Каждый день мы с женой выходили на прополку, работали что было счастья. На северной стороне выползали участок величиной, покажуй, вот с этог двора, а тем временем на южной сорняки подились так, что за них совсем не было видно побегов... Год был хороший. Хлеб у всех наших соседей поднялся в человеческий рост, и только наши три затянулись среди седых полей, как огромные болташки скопа. Когда поднялся времена осенний жатвы, скоры, я и на северной стороне небольшую скопу. Когдя было, конечно, не то, что у соседей, но выросло всё-таки что-то похожее на хлеб. Колосья были не такие большие, но и не так чтобы уж очень маленькие. Жалко только, что колоса-то были не велика. А о южной стороне и говорить не стоит. Выши всего поднялись бурьян, по ниже разросся пырей, а на самой земле стоялся колядный виноград. В этих зарослях с трудом можно было разыскать кое-какие редкие колоски. Те, что покрупнее, были покосены и порваны пастухами, а маленькие остались целыми.

Самые высокие злаки цеплялись за стебли бурьяна, а те, что пониже, еда пробивались сквозь заросли пырея. Другие не успели выколодиться и смешались с виноградом. Живые, они были похожи на конскую гриву, а те, что завяли, на кость рыбы. С трёх мух я едва намотала путь до дому.

Да разве за целую коншину навоза я не смог бы купить эти пять дуб? Я и на работала целое лето, да ёщё лошадь, а собрала такие крохи! Тот год у всех скопалась урожайная, и только у нас урожай был неудобный, и в конце концов после обмолота она опять была нечего.

Но крестьянин нашей деревни собрал много зерна. Жить стало лучше. Захотели они открыть школу. Пришли ко мне деревенские руководители: потолковать об этом деле. Давай, говорят, мы будем обрабатывать за тебя твои три му, а ты за это учь наших ребятишек. Я, конечно, с радостью согласилась. Только вот перед уж в деревенском народ оказывалась очень отыччивым. Крестьяне и на меня и на свою невестку с большим интересом смотрелись, с блеском образованы и сразу же восприняты и заплатили. Весной корыстные спасхаки и заселили мой участок, и мне больше не приходилось трахояться с полюбившейся пыльцой. Да ёщё и за то, что я ребятишек учу, заплатили особо.

Так вот что, братец, работать на земле — это целая наука. Мне хотят уже за сорок, но я решила, что эту науку надо изучить непременно.

Прежде, братец, у меня были такие же представления, как и у тебя. Мне казалось, что всё ладится здорово. А теперь я твёрдо знаю, что я ладить не могу. Старого Сло Гана и Старого Чана Земля... она знает ничего не дает. У меня на участке, где прежде отгород был, земля ничуть не хуже твоей, а обработали её плохо, так она дала даже меньшее, чем я бы за один навоз плацуха. Земля на горе, что у меня семья Чайнов арендовала, погуже — краснозём да песок... но тоже не такая уж плохая. А без человека на ней растёт один только бурьян.

Ты слушай их, братец. Председатель Крестьянского союза и товарищ из волостного правильного говорят. Хлеб на самом деле даётся только трудом. А на вершине, так поди-ку припобуди сам засеять хотя бы два муга!

Перевод с китайского
ВЛ. КРИЦКОВ.

¹ Кане — индия и широка, отапливаемая синевой лежанка, которая в Северном Китае часто служит и мячом и кроватью одновременно (прим. перев.).

² Дуо — мера сыпучих тел объёмом около десяти литров.

СТИХИ ГЕОРГИЯ МАЙОРЕСКУ

Сирень из Артека

Тот ясный день на берегу предгорном
Запечателся в памяти навек:
Медноголосой, звонкой песней горна
Нес поутру приветствует Артек.

Нас представляют: «Гости издалёка...
Румыния, Болгария, Китай...»

Вопросы сразу хлынули потоком,
И всё им мало, как ни отвечай,

Потом, катают по морю болгарку,
С китайцами «Москва — Пекин» поют...
Меня мичуринцы аллейе парка
К себе почти что на руках несут.

Вхожу в питомник. Новые рассады:
Полярный плод, лимоны... В этот день
Была остра февральская прохлада...
И вдруг я вижу: белая сирень!

Перед душинистым облаком сирени,
Что расцвела в начале февраля,
Стою и не скрыть удивления:
Видела ли подобное земля?

В чём тайна здесь? Каков солнце греет?
И мне ясна разгадка наконец:
Сирень взрастила не оранжерез.
А солнце человеческих сердец!

Тут пионеры встретились глазами,
Перешепнулись — и ко мне склоняй,
Мне протянули вазу и сказали:
— Для пионеров родны твои!

И я привёз мой родной землю
Сирень, что расцветает в феврале.

Соловей

Безмолвствовал дворец гранитогранный,
Оцеплен королевской охраной.

Там только шуг ходил из зала в зал,
Крёпляясь, перед зеркалом плясал.

А в голубых покоях королевы

Жил в клетке соловей

Его напевы

Должны всчасно были занимать

Скуку королеву-мату.

Его отчизна —

солнечные страны.

Его тюрьма —

дворец гранитогранный.

Он тосковал и рабо пел порой.

Ему глаза железом выжгли:

— Пой!

Гораздо лучше должен петь слепой.

Запел певец,

запел он на рассвете,

И лучший песни не было на свете.

Всю свою в ней высказал певец,

И гулким эхом ворил ей дворец.

Но по ночам,

в ней слыша песню гнева,



Молодой румынский поэт Георгий Майореску родился в городе Решинцы. Ему рано пришлось столкнуться с нуждой и лишениями.

Основательница Румынского Союза писателей Арминей Майореску вступает в Союз писателей молодёжи Румынии, а затем в Румынский Союз писателей. В эти годы появляются её первые стихи и очерки. В 1947 году выходит сборник стихов Майореску, который начинает работать в газете, поэт учится в Кагулском университете.

Сейчас Майореску — студент Литературного института имени А. М. Горького.

В бессоннице
седела королева.

И мы пришли
от имени народа,
Прогнав стоящих стражников у входа,
Ворота отворили наконец

И детям наших
отдали дворец

И огласились залы звонкими смехом,
И радостно дворец

ответив эхом,

И ожидал бывший королевский сад:
В нём всюду ярко галстуки горят!

То наши говорливые ребята
В саду корумпки ставят для пернатых.

И прятел в гнезда среди ветвей
С весною вместе вольный соловей

И, как бы отмечая новоселье,
Залился удивительной трелью.

В саду
у пионерского костра

Застыла восхищённо детьвора.
И соловьиной песней,

им казалось,

Их счастье нынче

пело и смеялось.

Пой, соловей, у нашего дворца!

Пойши ты

лучше

пленилного певца.

Пой песнь для тех,

что охраняет гибэда,

Мой соловей с глазами словно звёзды!

Перевод с румынского
Кирилла КОВАЛЬДЖИ.

Лунка *

Вернувшись,
Я долго по Лунке шагаю.
Я снова в родимом kraю.
Друзья мне писали,
Что я не узнано
Печальному Лунку мою.

Безвестная Лунка!
Родная краина,
Где мать,
Где родительский дом.
Огнём лихорадок снигала ты сына,
Губила тяжёлым, трудом.

...На топях болотистых
Город из стали
Сегодня
Встречает меня.
Вечерние светлы магистрали
Текут словно ленты огня.

В леса новостроек
Оделясь мой город.
И сердце стучит горячее.
Уральской руды
Темнобуры горы
Лежат у плавильных печей...

И мне сталевар
Улыбнулся с плахота,
Как будто желаю сказать:
— Ты помнишь,
Каким был наш город когда-то?
А нынче —
Тебе не узнаты!

Там школа — налево,
Театр — направо,
Здесь парк темноистый звонит.
И вдаль
На закат
Ульявит Бырзана,
Закована в светлый гранит.

Ты видишь,
Как голубем — мирною птицей —
К нам утро
С Востока
Летит.
Над синью Дунай,
Над рыжей пшеницей
Его оперенье блестит.

Для Лунки моей,
Для Румынии светят
Кремлевские забрды вдали,
Сияньем огней
Наша стройки
Отвята
Тем звездам
Советской земли.

Перевела с румынского
Алла БЕЛЯКОВА.

* Лунка — рабочий район, часть румынского города Решинцы.

ЖАН ЖАК РУССО

[1712—1778 гг.]

Жан Жак Руссо — великий французский философ и писатель. Руссо жил в бурное время, предшествующее событиям французской буржуазной революции XVIII века, когда наступил решительный удар старому, феодальному обществу. Франция, будущая, стала неограниченной властью короля, выйдя продолжалась во дворцах и замках знати, с пренебрежением взирающей на бесправный люд, а в стране с каждым годом нарастал протест против феодально-крепостнического строя. Борьба с феодализмом, возглавляемая буржуазией, выступавшей в тот исторический момент как прогрессивный класс, так как её стремление уничтожить феодальные порядки отвечало интересам самых широких масс народа.

Идеологами всё усматривающейся борьбы против феодализма были просветители — учёные, философы и писатели. В своих трактатах, памфлетах, романах и драмах они подвергли упрёку обществу устаревшие устои феодального мира. Просветители объясняли беспощадную борьбу против деспотизма и наскоки, против фанатизма католической церкви; они утверждали новое, прогрессивное мировоззрение, веру в прогресс и в царство разума.

Отмечая историческое значение деятельности просветителей, Энгельс писал: «великие люди, просвещавшие французские головы для приближающейся революции, сами были крайними революционерами...».

Среди французских просветителей Руссо был наиболее смелым и революционным мыслителем. Он выступил как критикатор дум и стремлений первых народных слоев третьего сословия.

Жан Жак Руссо родился в 1712 году в Женеве, в семье небогатого часовщика. В раннем детстве он лишился матери. Отца проявляя чрезвычайно мало заботы о воспитании сына, — мальчику пришлось очень рано познакомиться с жизненными невзгодами. После нескольких лет бесплодного ученичества у различных хозяев Руссо бежал из Женевы. Для 16-летнего юноши началась долгая и трудная Бродячая жизнь. За 13 лет Руссо, исходя из Швейцарии, Северной Италии, из Франции, испытывая различные занятия и профессии: был лекарем, писцом, секретарём, учителем музыки и т. д. Годы скитаний явились для Руссо сурьей жизненной школой.

В 1741 году Руссо перебирается в Париж, где знакомится с виднейшими представителями французской общественной мысли, в том числе с Диадо. В 1750 году, после выхода в свет трактата «Рассуждение о науках и искусствах», имя Руссо становится широко известным. Со страниц трактата звучала страстное обвинение Руссо современной ему эпохи цивилизации. С большим интересом говорит Руссо о том, что искусство находится на службе у богатых и роскошных, которым его убийство. Руссо очень резко восстал против антинародного аристократического искусства, утверждая, что истинное искусство должно служить народу. Критика культуры, рабежной и далёкой народу, переходит у Руссо в критику общественного строя Франции, где всё служит интересам богатых. Руссо выступает с горячим протестом против общественного неравенства и эксплуатации. В своем «Рассуждении о происхождении и основах неравенства между людьми» (1754 год) он приходит к выводу, что причина возникновения неравенства — частная собственность. Когда-то, по мнению Руссо, человечество жило спокойно, не зная тяжести социального гнета.

Несчастья людей начались с момента появления частной собственности, «тот, кто первый отгородил участок земли и осмелился сказать: «Это принадлежит мне», не нашёл людей, которые бы были достаточно глупы, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скользких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колыя и засыпав ров, крикнул бы своим близким: «Не слушайте этого обманщика!»

Руссо ошибочно, идеалистически представлял себе возникновение частной собствен-

ности государства силой захватывает власть, то народ имеет право революционным, насилиственным, путём вернуть себе свободу. Трактат Руссо «Общественный договор» явился теоретическим обоснованием и утверждением права народа на революционное свержение деспотов. Он сыграл очень большую роль во время французской буржуазной революции, в годы якобинской диктатуры.

В отличие от других просветителей Руссо говорил не только о противоречиях феодализма, о несправедливости и жестокости, — он видит также и те новые формы угнетения и эксплуатации, которых несло народу разымающееся буржуазное общество.

Во взглядах Руссо было немало противоречий. Гениально понял, что частная собственность — причину социального неравенства, он никогда не призывал к её уничтожению; выступая как наиболее революционный мыслитель своего времени, Руссо идеализировал патриархальный-феодальный чин, как единственный гарантированный залог стабильности и гармонии в обществе.

Знаменитые произведения Руссо в резком разобщении пороков феодального и нарождающегося капиталистического общества, в большой, искренней любви к простым людям. Руссо мечтал о свободном, счастливом человеке, и эту мечту он пронёс через всю свою трудную и неподражаемую жизнь. На страницах своих замечательных книг писатель выступал с убеждённой, горячей проповедью права человека на счастье, на свободу чувств.

Горячий протестом против сословий, предрассудков и проникнутой наставляемой романтикой «Новеллы Элоизы. Две склонные подруги, любящие друг друга — Юлию и Сен-Пре», — разделяет непреродимую преграду: она — дочь знатного барона, он — простой учитель. Взволнованно рассказывает писатель о страданиях своих герояев, различийных жестокими общественными законами.

Роман Руссо сыграл огромную роль в развитии французской литературы. До Руссо никто из французских писателей так не говорил о человеке, о его переживаниях.

Как и все просветители, Руссо придавал большое значение вопросам воспитания. Он посвятил этой теме книгу «Люди в воспитании» (1762 год), где утверждал необходимость всестороннего развития способностей человека. В «Эмилье» содержались резкие выпады против католического культа, и поэтому книга по распоряжению парламента была сожжена.

Старый, большой, полулицунский философ, спасаясь от преследований реакции, вновь вынужден был скрываться по разным странам. Умер Руссо 2 июля 1778 года в поместье своего друга, недалеко от Парижа.

Во времена французской революции, в 1794 году, в Париже состоялась торжественная церемония, посвящённая первому году Руссо. Пантеон, где французский народ чествует «великих людей, благородных отечества». Руссо — плеяб и демократ, глашатай республики и народолюбия, горячий защитник угнетённого народа — ненавистник реакции. В годы Реставрации она надругалась над могилой великого мыслителя, взломав гроб Руссо в Пантеноне. В настороженное время сторонники реакции обливали его имя грязной клеветой, бесстыдно фальсифицируя его творчество.

Руссо, его наследие принадлежат французскому трудовому народу, всему прогрессивному человечеству, которые ценят писателя за то, что он был одним из тех, кто искренне боролись против всего, что угнетает и унижает человека.

И. ЛИЛЕЕВА,

кандидат филологических наук.



ности, порождённой будто бы злой волей отдельных лиц, но он сумел сделать правильный, революционный вывод, что общинный строй, основанный на частной собственности, не обещающей свободы и равенства, не может этот строй должен быть заменён другим, более совершенным. Руссо понял пророческий характер исторического процесса, понял, что развитие цивилизации, прогресс, увеличение богатства в условиях господства частной собственности вовсе не означают щедрости и процветания всего народа.

И теперь не утратили своей актуальности слова Руссо, разоблачающие политику завладетческих, грабительских войн, как политику угнетения своих и чужих народов. Руссо писал: «Не трудно понять, что войны и всякие завоевания — с одной стороны, усилие деспотизма — с другой стороны, воинство подогревают друг друга, что война даёт удобный предлог для неизменных денежных поборов и не менее удобный для вооружения больших армий, необходимых, чтобы удержать народ в повиновении. Наконец, вскорумо ясно, что государевы завоеватели ведут, по меньшей мере, такую же войну со своими подданными, как и со своими врагами...»

В трактате «Общественный договор» (1762 год) Руссо утверждает право народа на высшую власть.

Руссо выступал с идеей демократической республики, основанной на широком народном представительстве. Если же кто-либо из пра-

1. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Соч. Т. XIV, стр. 17.

НОВЫЙ МИРОВОЙ РЕКОРД

Порывистый ветер безжалостно треплет флаги, забираясь под посадочное «т», пузырят полотнища, доставляя немало хлопот стартовой команде, состоящей из юноши и девушки — слушателей курсов Московского Центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова.

Сегодня идут в полёт трое парашютистов — Николай Щербинин, Борис Шустров и Виктор Раков. Комбинированный прыжок трёх спортсменов, одновременно покидающих самолёт на высоте одного километра, должен окончиться приземлением в круг диаметром сто метров.

И вот теперь, когда все готово, как назло, поднялся ветер. Разговор по телефону с синоптиками принес мало утешительного: прогноз на восемнадцать часов обещана скорость ветра до четырёх метров в секунду.

Потеряв надежду на улучшение погоды, Щербинин, Шустров и Раков решили прыгать. Спортивные комиссары аккуратно отспечатали приборы, регистрирующие высоту прыжка, время свободного полёта без раскрытия и время спуска.

Кажется, всё. Можно вылетать. Но лётчик Николай Логинов, который будет «вывозить» спортсменов на прыжок, не торопится с запуском мотора.

— Ещё чуток — и ветер будет ровней, — дружески говорят он парашютистам.

Но ожидание становится невыносимым, напряжение требует разрядки, и Шустров, как бы выражая мысль всех троих, отвечает:

— Уже все чуточки пережидали...

Николай Щербинин внимательно приглядывается к облакам, медленно ползущим в высоте. Как старший в группе, он хочет знать все условия предстоящего полёта.

— Даите шар-пилот, — коротко говорит он. В ту же секунду из рук девушки-метеоролога вырывается белый шар, и, стремительно подхваченный ветром, полетел ввысь. Спортсмены внимательным взглядом проводили своего разведчика, который должен показать им направление ветра.

— Ну, — спросил лётчик, — решаете лететь? — Летим!

Заревел мотор, и самолёт, подхваченный воздушным потоком, стремительно выходит в воздух, легко оторвавшись от земли после небольшой пробежки.

В окне кабины мелькнули линии шоссе, канала, железной дороги. Внизу, петляя, искривляясь на солнце Москва-река. Развернула машину, лётчики взяли курс на створы шлюзов канала. Кружка над зелёным аэродромного поля, самолёт набирает высоту. Вот наконец и лёгкое покачивание с крыла на крыло. Это сигнал, что заданная высота достигнута.

В раскрытым дверь самолёта видны домики Тушинского посёлка, по шоссе медленно пол-



Парашютисты Н. Щербинин, В. Раков и Б. Шустров после прыжка.

Фото В. Сидорова.

зут машины. Справа налево, по ходу, проходит граница лётного поля. Отчёльно виден резко очерченный в зелени круг, в который предстоит попасть. С высоты он кажется очень небольшим.

Щербинин ещё раз оглядывает горизонт, выискивая какой-либо дымок из трубы. Нужно убедиться, что направление ветра не изменилось. Но вот круг уже точно по курсу. Интуиция и мгновенно сделанный расчёт подсказывают момент. Секунда, вторая...

Ну!.. Нет, ещё рано. Вот теперь пора! Один за другим: первый Раков, за ним Шустров и замыкающий Щербинин — бросаются вниз.

С земли видно, как от самолёта отделились три точки. Но что это? Понему не раскрылись парашюты? Сто метров полёта, двести... Над точками нет привычной вспышки раскрывающегося купола парашюта. Вот уже триста метров. И в этот момент, замедлив падение, над головами парашютистов расцвели причудливые узоры разноцветного шёлка.

Вот теперь начинается самое главное. Нужно не дать ветру отнести себя в сторону и, конечно, следить, чтобы не перетянуло через круг.

С земли видно, как парашютисты подтягивают стропы месят направление своего скольжения в воздухе. Ветер раскачивает спортсменов, осложняя ориентировку, и с земли кажется, что каучающиеся фигуры парашютистов встречаются с землёй где-то правее круга. Нет, теперь уже значительно левее. Но размышления и догадки прерываются приземлением всех троих парашютистов точно в очерченном круге.

Спортивные комиссары придирчиво измеряют расстояния точек приземления парашютистов от центра круга. Виктор Раков приземлился от центра круга на расстоянии 8,31 метра, Борис Шустров — 33,75 метра и Николай Щербинин — 37,76 метра. Среднее расстояние, вошедшее в зечёт, — 26 метров 79 сантиметров. Цифры занесены в протокол, теперь можно показать руки товарищам и поздравить их с победой.

Советские парашютисты установили вчера один мировой рекорд, показав высокий класс мастерства и технического расчёта в сложнейших метеорологических условиях.

Ал. ШАБУНИН

ГО МО-ЖО. «ИЗБРАННОЕ»

«Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм». В этих образных словах Мао Цзэ-дун выражена историческая правда, которая открыла моей родине путь к свободоизданию, вывела китайскую патриотическую молодёжь на путь борьбы и счастья,—так говорит Го Мо-жо в автобиографии, приславшейся к избранным произведениям выпущенному Гослитиздатом¹. Здесь, в этой небольшой цитате, заложен ключ к пониманию творчества большого китайского современного писателя.

Историческое движение 4 мая 1919 года, родившееся в ответ на призыв русской революции, ознаменовало собой пробуждение китайского народа. В то же время начинается литературная деятельность Го Мо-жо.

Слово писателя становится революционным оружием в руках интеллигентов, трудящихся. Литературное творчество Го Мо-жо развивается в тесной связи с его участием в национально-освободительной борьбе народа.

В однотомнике собраны произведения, созданные в период между 1919 и 1952 годами. Читатель найдёт здесь вещи, различные по жанру, по форме. Но все они высокодраматичны, проникнуты духом борьбы за создание новой китайской литературы, неразрывно связанный с народом, помогающей народу.

При первом же ознакомлении с книгой бросается в глаза энциклопедическая разносторонность творчества Го Мо-жо. Это многообразие обусловлено его непосредственным участием в революционной общественной и научной деятельности, его замечательным талантом.

Том избранных произведений открывается разделом стихов. Здесь читатель найдёт и ранние поэтические произведения, и германские оды, и лирические песни. Завершается поэтический раздел стихотворением «Слава и долг», где Го Мо-жо выражает свои мысли и чувства в связи с присуждением ему международ-

ной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Чертёж, характерные для всего творчества Го Мо-жо, обнаруживаются и в его рассказах. Тематика его рассказов стягивает презычно широка. Здесь произведениями, посвящёнными событиям, ставшим достоянием древней истории («Самоубийство Чуского Бавана, «Гибель Сыма Цзина»); рассказы, в которых показаны жестокие противоречия, жизни капиталистических стран («Перед отъездами», «На пути к свободе»); рассказы зарисовки («Диндинские наброски»). Представлена в книге и драматургия писателя.

Особое место в творчестве Го Мо-жо занимает историческая трагедия «Цой Юаня», написанная в самый разгар антияпонской войны, в 1942 году.

То, что Го Мо-жо создаёт широкое историческое полотно, в котором раскрыто значение деятельности великого китайского поэта Цой Юаня (340—278 гг. до н. э.). Но не только в этом ценности произведения писателя. Успех определяет то, что Го Мо-жо сумел мастерски связать с современностью образы древности и прошлого, перенести их черты, близкие и дорогие народу, борющимся за счастье поколения будущего.

Появление трагедии Го Мо-жо явилось крупным событием в духовной жизни Китая. Пьеса была горячо принята зрителями и читателями, спрavedливо удивившими в ней гневное обличение темных сил гоминидской реакции.

Затем следует «Избранные» раздел «Стихи». Здесь Го Мо-жо выступает как критик, теоретик литературы, историк, публицист. В скжатых, написанных точным, четким языком статьях он утверждает принципы социалистического искусства и литературы, борется за укрепление дружественных и культурных связей между народами Китая и Советским Союзом.

Однотомник, в котором впервые собрано ведомо многое из того, что создал Го Мо-жо, даёт глубокое представление о творчестве выдающегося художника слова современного Китая. Советским читателям с огромным интересом прочитаны избранные произведения китайского писателя и учёного нашего времени, мужественного борца за мир, демократию и социализм.

Б. ЮРИН

¹ Го Мо-жо. «Избранные». Вступительная статья и общая редакция Н. Федоренко. Государственное издательство художественной литературы. Москва. 1955 год. 351 стр.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

❖ «Родина китайцев». Так называется новый сборник стихов Сергея Синявского, вышедший в издательстве «Советский писатель».

Книга состоит из трёх частей, первая часть — поэзия, вторая — проза, третья — поэзия.

Книга — памятник А. Ф. Майлянского. Автор посвятил её памяти великому русскому учёному, изобретателю, скульптору.

Третья часть сборника составлена новыми поэмами поэта.

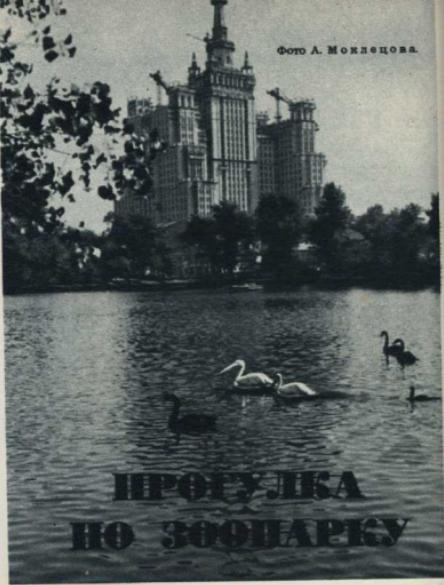
❖ Во вдохновенном творческом труде, основанном на изучении вод, селекционеров, механизаторов, агрономов — рассказывается писатель о работе китайских племён «Машины полей коммунизма», выпущенной в свет издательством «Молодая гвардия».

Научно-популярные очерки, собранные в книге, содержат много

полезных сведений о замечательных племенах, работающих на полях социалистической коммуны. Автор рассказывает также и о создателях первооткрытий отечественной науки.

❖ Новая книга современного польского писателя Мартина Брандиса «Надежды повествование» — целиком роман о судьбах польской интеллигентской элиты, подвергнутой на борьбе польского народа за право на существование и национального плана.

В эту книгу вложены события, связанные со строительством крупнейшего в Польше металлургического комбината «Новогрудка». Автор романа Мартина Брандиса простых польских людей, созидающих светлое будущее своей страны. Текущий слог, говорят авторы о дружбе и сотрудничестве советского и польского народов.



ПРЕУПЛА НО ЗООМАРКУ

Зоологический парк. Любимый уголок отдыха москвичей. Принято побывать по его тенистым аллеям, огибющим проложенные пруды, покинуть дневственный мир рабочего дня.

Посетители с любопытством рассматривают зверей в зоопарке, собранных сюда из самых концов света, являются впечатлениями об их величии и красоте.

Всёобщее восхищение вызывает головастый слонёнок. Его имя — Нань. Головастый — потому что у него синяя его мать Молли. Он гладит свой детице хоботом и посыпает сверху песком. Шалум и Нань находятся под навесом отца, слона Шанго.

Вдаль, за загородкой, виднеется другая головастая. Это — старший брат Карака. Всё семейство проходящею по площадкам отдалено от зрителями речи, с водой, и поглядывает на толпу. Шанго в эти знёздные дни и до времени днём дурачится в воде, насыщаясь водой и погинает себе синим.

Кто то поясняет:

— До десяти литров за раз пьёт в день!

— А сколько он съедает? — спрашивает юноша в соломенной шляпе.



ФОТО А. МОЛДЕЦОВА.

Следуют ответы знатоков. В разговор вмешивается консультант и даёт разъяснение:

— У него же нет чёлки. Каждый день ему положено тридцать килограмм сена, только же съеды, давать, пить кипяток, да солесас, волесас, хлеба. Потом морковь, горох... Словом, более ста двадцати килограммов ежедневно.

Гулиющие направляются к бассейну. Там бегают. Их синие, зелёные, синеватые ноги и отвислов брюха, они быстро плавают и ловко ныряют. Проходящий мимо птицы, пока они вымынут из воды.

Целую зиму знаменитые быгемоты в группе плавают в бассейне. Их подкармливают на дачу и теперь всё лето проводят под открытым небом. Издали добросовестные мамы смотрят на них, красные оперенья изумляют. Во время тонований самцы распускают свои великолепные хвосты.

— Недурно в жарине день обмаживаться там, вперёд смеяться, — говорят они, — и на дачу и теперь всё лето проводят под открытым небом.

Издали добросовестные мамы смотрят на них, красные оперенья изумляют. Во время тонований самцы распускают свои великолепные хвосты.

— Ну вот, — говорит одна из мам.

— Их красные оперенья

молодых.

— Ну вот, — говорит другая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит третья.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит четвёртая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит пятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит шестая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит седьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит восьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит девятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит десятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит одиннадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двенадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит тринадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит четырнадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит пятнадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит шестнадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит семнадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит восемнадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит девятнадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцатая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать первая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать вторая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать третья.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать четвёртая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать пятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать шестая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать седьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать восьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать девятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать третья.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать четвёртая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать пятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать шестая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать седьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать восьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать девятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать третья.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать четвёртая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать пятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать шестая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать седьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать восьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать девятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать третья.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать четвёртая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать пятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать шестая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать седьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать восьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать девятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать третья.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать четвёртая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать пятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать шестая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать седьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать восьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать девятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать третья.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать четвёртая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать пятая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать шестая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать седьмая.

— Их красные оперенья

старых.

— Ну вот, — говорит двадцать восьмая.

— Их красные оперенья</



не утихают ни на один миг. Очень забавны проказливые медведята, изысканные по калорийности, насыщенные на самое верхнее в перепаду; смешные лягушки, изграющие со щенятами ёнотоидных собачек; интересно посмотреть на гигантского ягуара, пытающегося издавать чистоголосые, подобные грозного рычания.

Зоотехник Зол Владимирович Ларцевна берёт ягуаринка на руки и показывает окружавшим, что птичко-макоша не зовут Орик, что ягуары почти не здимся, а здимся в небеса. Однако здесь, в парке, это не радость.

Родионова в прошлом году
записала на CD и наконец
наградила мать Кармен. Тогда Примадонна
оценившаяся сабаной Дэни,
и то воспитала приёмных. Их
один из которых, конечно, уходит
в одном из зверей.

Обезьянин находит у пруда с
белыми лебедями и розовыми пе-
тухами посменно играют,
вокруг и вспахают друг за другом
мартышки, макаки.

На потолок их скатчкой клеятин,
устроенной среди ветвистых да-
ров, покоящихся на пустынном полу.
Шумливая компания макак
не преминула кинуться к ним в
погоню за птицами, но воробыши,
кощечко хватили и съели.

and the, you see.

Коллекция обезьян обширна. Гамадрилл, резус, павиан, капуцин, шимпанзе, орангутанг и многие другие. А сколько рассказов с

Так, при одного из шиномонтажных мастеров Екатеринбурга Андрееву Маркова рассказывали, что собирались, чтобы эта обезьяна умела даже сказать правду, безусловно, но всё же жал. Может она и кричала, но не так, чтобы кто-то такого рода обезьяны видел. Третий тридцати криков. Каждый из них имел свою особое значение, нечто вроде «слов» обезьяньего языка. Однажды Дом звукозаписи из Ессеонского колледжа записал крики шимпанзе. На пленку воспроизвели всю гамму его перенесений.

Группа по зоопарку становится всё более и более популярной. Следя большой интересом к деятельности зоопарка его его сотрудниками видят пополнение. Здесь часто можно встретить экскурсантов, увидеть юных натуралистов, посмотреть научнопопулярные фильмы, созданные при содействии работников зоопарка, услышать интересные лекции. Больше того, можно познакомиться с и «фондообращениями» — дресировщиками животных, участниками киносъемок. Перед вами предстанут персонажи многих фильмов.

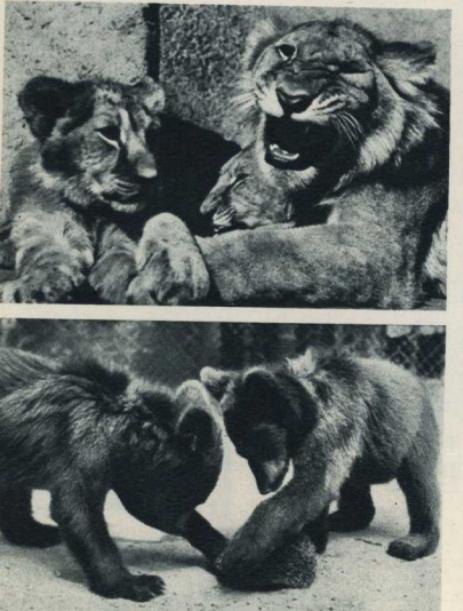


Пожалуй, самые частые посетители парка школьники, девчата. Их особенно много у круга, где ребята катаются на пони и осликах, возле эстрады, на которой в дни детских праздников выступают клоуны с карнавальным носом и поиздевывают дрессированными зверьков. Немало в парке и взрослых, вот на скамье

зарядально хохочут, среди зелени, в сорнике, в зоопарке. В кратком историческом обзоре приведены материалы о том, как вчера прошли в зоопарке в Москве зоологического сада на Болотной площади, в зверинце, помимо львов и удавов, показывались медведи с белыми лапами и с Цейлоном. Он был выписан из Индии, а также из Японии, и приблизился к под страшного. Выходили его на цепях, под звуки барабана. Он рычал и «молился», говоря новорожденные слова. Этим «диким» животным с острова Цейлона был Пастухов, ставший последствием издателем «Московского листка».

— Только подумать, чем в те времена занимались! — хлопает ся по коленям наш собеседник. — А это был зоосад? Да, кстати, вы осмотрели парк?

дятся «дымящими» леопардами, составленными из Китая, пятнисто-полосатой дикой кошки — оцелотом, благородным оленем, привезенным из Воронежского заповедника, испанской саламандрой. Прощаясь, наш собеседник советует нанести визит также и новой гладкой ящерице огромных размеров.





Юные моряки.

Фото Я. Халипа.

Цена номера
2 руб.

19 95 Борисов

